

Александр Зеленский

16+

Илья Рясной

Госпитальер и
Темный Шаман

Илья Владимирович Рясной Александр Григорьевич Зеленский Госпитальер и Темный Шаман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58665253

SelfPub; 2020

Аннотация

Потомок рыцарей Ордена Госпитальеров, русский подданный Никита Сомов становится обладателем магического талисмана древней цивилизации. И благодаря своему приобретению из начальника космического госпиталя превращается в дичь, за которой охотятся колдуны черных культов и представители спецслужб раскинувшейся среди звезд, враждебной разуму и совести англосаксонской цивилизации. Сомову предстоит пройти через сражения на Земле и в космосе, чтобы разгадать тайну талисмана.

Часть первая

Миссия на седьмой планете

Он бежал, гонимый чувством смертельного ужаса, через влажные джунгли. Из раны на голове сочилась кровь. На затылке короткие жесткие волосы покрылись коркой грязи, смешанной с засохшей кровью. Пот ел глаза. Изломанное, истерзанное тело двигалось вперед, толкаемое мощной волей. Эта воля существовала как бы вне зависимости от сознания. Сознание же человека будто выключилось. Оно витало в других мирах, и ему не было никакого дела до происходящего.

Любой из чернокожих охотников, увидевший это загнанное существо, в чьей спине торчали три обломанные стрелы, наконечники которых перед охотой аккуратно смазывались ядом морских змей, ни за что на свете не поверил бы, что это обыкновенный человек с одряхлевшим от прожитых лет телом. Кто в его годы выдержит невозможный темп бега? Разве по силам он даже молодым тренированным охотникам за головами?

Некогда богатые одежды превратились в грязные ошметки. Тело покрылось царапинами и ранами. Но он продолжал свой неудержимый бег, при этом умудряясь даже не задевать переплетенных ветвей буйной растительности. Казалось, он не раздвигал плотно сросшиеся ветки руками и плечами, а

просачивался сквозь них. Стена растений смыкалась за его спиной, не оставляя никакого следа. Так не мог продираться сквозь чащу даже зверь, не говоря уж о человеке. Разумеется, охотники за головами давно бы потеряли свою жертву, упустили ее, если бы их не направляли. А тот, кто направлял, дело свое знал.

Беглец остановился. Пугливо огляделся. Тревожно прислушался.

Разум возвращался к старику. Он встряхнул головой. Она отозвалась тупой болью в затылке – как раз туда пришелся удар булыжника, пущенного из пращи умелой рукой.

Звуки погони слышались далеко позади. Старик перевел дыхание и тут почувствовал тяжесть в правой руке. Разжал кулак. На ладони лежал небольшой, но тяжелый камень, расписанный вдоль и поперек священными символами. «Хаабад» – ключ, позволяющий открыть прошлое и прозреть будущее. Вот только о настоящем этот магический камень ничего не мог поведать своему хозяину. Но он смог сделать большее – вернуть ему сознание, уберечь от лошадиной дозы яда.

Старик дотронулся пальцами до худой грязной шеи, провел по ожерелью из зубов диковинных морских рыб. Возвращались воспоминания о недавних событиях. Он будто воочию видел разгромленный на закате третьей луны Главный «Храм Ожидания», разбитый и разграбленный инвентарь для магических ритуалов, тела убитых жрецов. Как на-

яву он видел и тех, кто скрывался под сводами оскверненного храма, дожидаясь выхода из алтарной комнаты его – Главного жреца. В алтарную комнату они сунуться не посмели, зная, что их ожидает неминуемая кара долгой и мучительной смерти. Зато они не боялись Главного жреца вне алтарной комнаты и потому, глупцы, напали на него в его же храме. Пятеро нападавших погибли на них обрушилась кара священного камня Хаабада. Остальные в ужасе отпрянули. А потом потеряли Главного жреца из вида. В тот момент он мог спокойно уйти от убийц. Но не сделал этого. Все его существо протестовало против того, чтобы оставить Храм. И это была ошибка. Иногда нужно без тени сомнения оставлять важное и любимое, чтобы спасти ГЛАВНОЕ.

Хаабад. Камень-защитник. Камень-охранитель. Камень, отводящий сглаз. Что могут обычные смертные против твоего слуги, находящегося под покровом силы – древней, мощной, мистической?

Но они могли. Ибо их направляла рука ГЛАВНОГО ВРАГА! Их гнало вперед бурное неистовство ЕГО злобы, первобытная ЕГО ярость и упоение ЕГО мечтой наконец-то достичь цели, к которой он шел долгие годы,

Главный жрец остановился как вкопанный. Со всех сторон его окружали враги. Почему не сработало магическое умение отводить глаза?.. Но оно сработало! Камень отвел даже взор ВРАГА, смотрящего на все через десятки глаз своих подданных. И стрелы охотников за головами ушли в един-

ственное дерево, росшее у входа в храм, которое и показало им на миг тем, за кем они пришли и кого желали найти во что бы то ни стало...

Но камень не мог защитить от врагов непроницаемым щитом. Все-таки иные стрелы доставали до цели – Главный жрец три раза терял сознание от ран, нанесенных ими. Но он вновь и вновь поднимался. И продолжал свой путь по ярко-зеленым джунглям, казалось протянувшимся через всю Вселенную.

С тех пор вошла уже первая луна на небосклоне Ботсваны, а он ни разу не остановился, уходя от погони. Теперь же все позади, слава Тем, Кто Ушел. Да, они, покровители его храма, его веры, ушли, но обязательно вернуться на многострадальную планету, брошенную в пучину раздора между теми, кто населил ее в более поздние времена. Да, да, пусть знают враги, настоящие хозяева планеты еще вернуться и тогда несдобровать злобным вампирам и прочей нечисти из секты Буду. Им оплатят за все их богомерзкие дела, никто из них не спасется от Великой Кары.

Главный жрец лег на влажную подстилку из гниющей листвы, опавшей с деревьев, и, не обращая внимания на копошащуюся в перегное мелкую живность, прикинул ухом к земле. Он услышал далекий топот ног, из которого заключил, что преследователи окончательно потеряли его и теперь устремились гораздо севернее того места, где он теперь находился. Значит, можно немного передохнуть, слава Тем, Кто

Ушел...

Невысокий мужчина средних лет, без ярко выраженных индивидуальных особенностей неторопливо брел по узкой изломанной улице, конфигурацию которой задавали два километровых в длину зеркальных дома, на крышах которых колотили крыльями гигантские зеленые птицы, закрывающие зеленое солнце.

На первый взгляд человек ничем не выделялся среди таких же, как и он, любителей моциона, каждодневно прогуливавшихся здесь в послеобеденный период. Самый пристальный взор не нашел бы в нем признаков нервозности и беспокойности. Но человек нервничал. Просто он не привык показывать свои чувства. Многолетняя привычка и все виды психотренинга, которые изобрело человечество, позволяли ему скрывать их даже от стресс-контролеров.

Итак, встревоженный Джон Замойски шел по Пятьдесят третьей стрит огромного мегаполиса, названного Нью-Таун и являвшегося столицей ОПА – Объединенных Планет Аризоны. С момента, как он вышел из конторы частной компании «Секвойя ЛТД», где служил в качестве руководителя службы безопасности, его не оставляло ощущение слежки. Чтобы провериться и выявить тех, кто мог за ним наблюдать, он трижды перепрыгнул с одной воздушной транспортной платформы на другую, рискуя сломать шею. Нет, ничего подозрительного он так и не заметил. Неужели показалось? На всякий случай Замойски все же решил пройти пешком до

того места, где назначил встречу одному из своих агентов.

Замойски обычно доверял своим чувствам. Он бы отложил встречу, если бы не настоятельная необходимость провести ее именно сегодня. Такие встречи не отменяются из-за неважного состояния духа. Возможно, что за ним установлено наблюдение? Возможно. Контрразведка? Вряд ли. У них и так дел полно. Реальнее, что на хвост сели конкуренты. Противостояние между коммерческими структурами на Аризоне порой носит гораздо более жестокие формы, чем война разведок. Что отсюда следует? Надо сбросить слежку и идти на встречу. Благо, Нью-Таун относился к таким запутанным муравейникам, в которых человеку, обладающему достаточной подготовкой, не так трудно затеряться. А уж что-что, а затериваться Замойски умел. Он знал, как обманывать следящую визуальную аппаратуру, запаховых «шмелей» и акустических прилипал. Он умел многое. Гораздо больше, чем положено ему по должности. Впрочем, по какой из его многочисленных должностей?

Нью-Таун— город технического совершенства и эстетических безумств. Трудно найти во Вселенной место, где бы настолько полно удовлетворялись материальные запросы горожан, где бы с таким придыханием относились к человеческому «Я хочу». Он бил по глазам, по нервам, он наполнял людей каким-то смачным безумием. Он обладал дьявольским очарованием. Роботы, почти не отличающиеся по внешнему виду от обыкновенных людей, взяли на себя решение

всех проблем по содержанию города в стерильной чистоте и поддержанию в нем образцового порядка. Постоянно меняющиеся фантасмагории создавали потрясающие ансамбли, и невозможно было разобрать, где на самом деле строения, здания, транспортные развязки и произведения искусства, а где стереопроекции. Бывали случаи, что у новичков, впервые прибывших сюда, просто-напросто отказывал вестибулярный аппарат, поскольку линия горизонта ломалась в диком изгибе, солнце растривалось и светило всеми цветами радуги, в невероятном переплетении линий терялся взгляд.

В городе были свои боги. Главный из них – бог развлечения и веселья. Веселья безудержного, без чура, так, что святых выноси. Раздаточные наркоавтоматы работали без устали. Арены массенсорнаведения не могли вместить всех желающих. Садомазохистские сверхчувственные комплексы будто раздувались от гигантских толп. Над «пяточками» искусств нависали километровые СТ-проекции кумиров, бьющихся в экстазе под музыку, накладывающуюся на ритм-темп. Многие люди не выдерживали экстаза, и тогда не помогали даже реанимационные контейнеры.

Но даже не эти развлечения обладали наибольшей притягательностью. Самая большая радость – в разрушении. В разрушении своих мозгов и душ нарковолновиками. В разрушении вещей и предметов, которые (надо же!) тут же восстанавливались городскими службами. И, наконец, самая большая радость – разрушение себе подобных. В лишенном очерта-

ний и конкретики мире наиболее полновесной монетой считалось чужое страдание. И с этим не могли ничего поделать полицейские службы. Тем более, раз в четыре года эта разгульная «биомасса» вдруг превращалась в избирателей, и с этим невозможно было не считаться, Так что законы, положения, общественное устройство тоже служили толпе, а значит, и ее богу-развлечению.

Если бы на Аризоне не было городов-лабораторий, где собирались лучшие умы, собранные со всей Вселенной и найденные в самой Федерации, если бы с верфей не сходили звездолеты, в военных центрах и школах космического флота не готовились бы отличные специалисты, если бы экономическая элита не забавлялась тем, чем забавлялась не одну сотню лет – преумножением капиталов, от Нью-Тауна остались бы давно одни воспоминания, а его обитатели одичали и скатились бы до пещерного состояния. Несмотря ни на что, частнокапиталистическая система жила. Она функционировала. Она цементировала разлагающийся общественный механизм.

Замойски соскользнул с летящего тротуара, оказался на ленте Мебиуса, уходящей в глубину дикой СТ-проекции, и услышал звук выстрелов, Палили из огнестрельного оружия. Сработали отточенные навыки. Еще только докатился щелчок первого выстрела, а Замойски уже определил, откуда идет стрельба, и занял единственно возможную позицию – скрылся за торговым синтезатором наркотиков.

Стрельбой удивить кого-то было трудно. Двое молодчи-

ков палили из длинноствольных револьверов в дворник-автомат. Они еще не отошли от «Большого шторма» – массового наркопредставления, состоявшегося на соседней плоскости.

– На... На тебе, – вопил один, нажимая на спусковой крючок.

– Э, Майк, влепи ему справа.

– Да отвали ты, желторотый!

– Да сам жри свое дерьмо!

– Ах так, получи!

Молодчик выстрелил в своего приятеля. Промахнулся. Тот выстрелил в ответ. Естественно, промахнулся тоже. «Большой шторм» дает жуткую трясучку рук. Появился наряд копробов. Пули забили по бронированным корпусам. Парни получили по дозе обездвигивающего состава и со всеми почестями, свойственными гуманному социуму, были отправлены по домам. Грех за такие «мелочи» иметь претензии к избирателям, тем более до выборов оставалось всего пять месяцев, а в этот период принимались самые гуманные законы.

Нью-Таун определенно не нравился Джону Замойски, как не нравилась ему вся эта планета – выхолощенная, стерильная. Иногда казалось, что она была создана искусственным путем. Но это, конечно, было не так. Когда-то планета отличалась восхитительной первозданностью, буйной растительностью, жутковатым и яростным животным миром. После

того, как на нее набрели три звездолета-разведчика класса «Америго Веспуччи», она разделила судьбу многих других планет в галактике – стала прибежищем для беглецов, которые расползались по звездам после гибели собственной колыбели – Земли.

Впрочем, начальник службы «Секвойя ЛТД» родился не здесь. Он вырос в Санкт-Петербурге – столице Федерации Московия. Там и имя у него было другое, и сам он был другим. Здесь же, на Аризоне, он жил по документам Джона Замойски и делал все возможное, чтобы хоть немного помочь родной Московии в вялотекущей борьбе. Давным-давно, еще в земной истории, существовал термин «холодная война». Он верен был и до сего времени. Только с той поры он еще сильнее прокалился космическим холодом.

Джон Замойски мог опоздать на встречу со своим агентом, а этого допустить было никак нельзя. Стоит опоздать на десять минут, и по правилам встреча переносится. А следующая встреча с агентом по кличке фита состоится только через три галактических дня, но уже сегодня ночью он должен будет передать ценную информацию домой.

Надо крутиться. Порхать с уровня на уровень. Возноситься на километры ввысь и обрушиваться в подземные уровни. Таким образом можно подтвердить наличие слежки и сбить ее.

– Ну-ка, – прошептал Замойски, глядя на индикатор аппарата, вмонтированного в диагност-медицинскую пластину

наручного браслета.

Индикатор слезки. Засекает антропо– и техноактивность на контролируемом уровне. Два нуля восемь. Что это означает? Вероятность слезки есть – незначительная. Однако пока коэффициент не дойдет до трех тысячных, на встречу идти нельзя. Надо стонять. Проверять... Поехали...

Пассажирская турбоплатформа устремилась по спирали вверх... Теперь пересадка в пузырь... Гравиугольник... Дискретная карусель... Туннельник... Голова шла кругом, так что пришлось успокаиваться по гимнастике «Тучэй». Даже кто родился в Нью-Тауне, не может выдержать больше двух пересадок подряд на разные транспортные средства. Несущийся по прозрачному тоннелю «игольник» и падение «пузыря» на два километра за пятнадцать секунд – это выбьет из седла самого подготовленного человека... Ничего, теперь все позади.

Замойски посмотрел на индикатор... Отработал ситуацию. Слезка если и была, то теперь ее нет. А средств тотального визуального контроля, как на «Коричневых планетах» седьмого рейха, на Аризоне нет.

С Фитой они должны были встретиться в центре города – Около «Пикассо-куба» – самого головоломного места города. Рядом с «кубом» был «Нежный проспект» – перекрученная в виде нескольких лент Мебиуса, сооруженная ненормальным архитектором-математиком городская структура развлечений с лучшими храмами телесного наслажде-

ния

Общение с Фитой сперва шокировало Замайски Будучи здоровым человеком с устойчивой психикой и нормальными взглядами на определенные вопросы, он сперва не поверил своим глазам, когда взглянул на биографический информблок Фиты. Четыре перемены пола за двадцать пять лет жизни. Каково! Впрочем, для Московии это было бы безумием, но на Аризоне такие вопросы были часто просто во власти моды. Сегодня Фита был миловидной девушкой. В Замайски все протестовало, поскольку рожден все-таки Фита был мальчиком, но предубеждения, неприязни агенту продемонстрировать ни в коем случае нельзя. Хорошие отношения оперативника и агента, доброжелательность друг к другу часто являются главным залогом плодотворной работы. Так что Замайски пришлось перебарывать себя, хоть это было не так и просто

До "Нежного проспекта?) надо было еще добраться. А время уходило. Вскоре пройдут контрольные десять минут, и Фита исчезнет. Чтобы успеть на встречу вовремя, Замайски необходимо было каким-то образом укоротить путь Произошло то, что и должно было произойти – несмотря на уникальное ощущение направления и зрительную память, он заблудился. Неустанно корежащаяся геометрия зданий, скользящий городской ландшафт, чудовищные СТ-проекции – в течение суток город порой менялся по несколько раз в зависимости от настроения и капризов шефа группы дежурных

архитекторов. Обычно Замойски пренебрегал «хрустальным глазом», поскольку он время от времени барахлили с его помощью достигался противоположный эффект. Но сейчас настала пора воспользоваться электронным путеводителем, куда по идее забита вся информация о состоянии города на сей момент и о наиболее благоприятных маршрутах.

Замойски навел «хрустальный глаз», похожий на монокль, на нескончаемое здание, напоминающее китайскую стену, в которую врезался транспортный звездолет и развалился на тысячу обломков. Синее (здесь синее) солнце пылало где-то под ногами, а наверху текла бурная река. Как и ожидалось, все это было СТ-проекцией, перекрывающей вход в «Загон слонов» – так назывался парк третьего городского района.

"Опасно, – забормотал «хрустальный глаз». – Двенадцатый балл опасности. Парк является местом времяпрепровождения движения «Плоскунов». То, что «глаз» стыдливо назвал движением, наделе было обычной бандой Точнее, целым скопищем банд, чьим лозунгом было. «Кайф через насилие». Постепенно они отвоевывали городские парки и творили там что вздумается. Порой даже пренебрегая запретом на убийство.

Замойски никогда никого не боялся. Ему было совершенно наплевать на «Плоскунов». Будучи человеком по природе самонадеянным, он не привык обращать внимание на всякую шуштуру. Но, будучи профессионалом, он привык про-

считывать все варианты. Двенадцатый балл опасности – это серьезно. Существует шанс влипнуть в большие неприятности. Но единственная возможность успеть на встречу вовремя – идти через парк.

Кстати, еще на прошлой неделе балл в «Загоне слонов» зашкаливал за двадцать пять. Потом там прошла бойня с четырьмя трупами, и парк хорошо отутюжили при помощи нагнанных копробов. Говорят, балл свалился аж до четырех – меньше чем на улицах города, но лишь на пару дней.

«Мы свободные люди в свободной стране и имеем право развлекаться где угодно» – таковы были слова адвоката «плоскунов» при подаче заявления в городской административный надзирательный пункт. Иск был удовлетворен. Так что в парке осталось опять всего лишь два копробота, которых через день развалили плазменной армейской гранатой.

Ну, мысленно перекрестился Замойски, пошли...

Он пробил СТ-проекцию и оказался на поросшей мягкой, пружинящей как диванные подушки травой с Антареса-тридцать. Он хотел прошмыгнуть по окраине парка. И тогда успевал вовремя.

Парк походил на райский сад, поросший растительностью со всех концов земли. Где-то вдаль копошились странно одетые фигуры. Звучали звуки «Кретин-рока». Замойски решил уже было, что преодолел опасный участок. До «Нежного проспекта» оставалось несколько десятков метров.

– Ну, приплыли, – прошептал он.

К нему мчалась на всех парах компания из восьми человек. Их гравилыжи скользили в полуметре над землей. «Плоскуны» хорошо накушались наркотиками.

– Мясо-о! – завизжал один из них, дернувшись на гравилыже.

– Мясо-о! – подхватили его приятели. У двоих в руках были старинные, вошедшие в моду пороховые револьверы...

Лысый, обрюзгший до уродства чернокожий мужчина, казалось, не сидел, а растекся на троне, созданном из двенадцати человеческих скелетов. Рядом с ним в костяных фалангах кисти руки стояла чаша из человеческого черепа, в которой бурлила и плескалась кровь, будто подогреваемая на огне.

– Потерял, – возбужденно шептал он. – Потерял его... Не может быть... Потерял, потерял, потерял!!!

С каждым новым словом шепот становился все громче. Постепенно он начал пыхтеть как чайник.

– Я потерял его! Кто заплатит мне за это?.. Где мое везенье? Где сила? Где? Почему я потерял его?!

Теперь он уже кричал в полный голос. И голос его был тонкий, в нем проскальзывали капризно жалкие нотки, нарастающее отчаяние. Человек был на грани истерики.

– Сила. Я нуждаюсь в тебе!

Голос грубел. И становился угрожающим.

– Дайте мне впитать в себя ее!

А «сила» его была здесь. Она вскипала в той самой чаше, что находилась рядом с тронем. Черный шаман Буду, а это был именно он, схватил чашу, приник жадными губами к краю. Сделал несколько маленьких глотков. И еще больше растекся по трону.

– Вижу тебя, – удовлетворенно прошипел он. – Вижу, вижу, вижу! Ну же, вы, жалкие порожденья змеи и крокодила! Куда вы? Назад, назад, назад!

Шаман колыхнулся, по его тройному подбородку пошли волны. Он сжал чашу двумя руками, его большие круглые глаза были устремлены куда-то вдаль. Они видели сейчас то, что не видел никто из его слуг.

– Он спокойно отдыхает у Ведьминой скалы. Лицо исказила кривая гримаса. Обнажились ровные белые зубы. Шаман знал, что звуки, слетающие с его губ, отклики его желаний и порывов преодолевают расстояние и доходят до тех, кому они предназначены. Иначе он не был бы Черным шаманом Буду. Иначе его имя не наводило бы ужас на миллионы людей. Иначе он никогда бы не почувал, как сладостна власть над душами, умами.

– Ведьмина скала, – чуть слышно прошептал он, откидываясь на троне и расслабляясь.

Порыв ушел. Сила сделала свое дело. Теперь очередь была

за охотниками.

... За сотни миль от этого места предводитель охотников за головами повел носом, как охотничья собака, учуявшая дичь. Он прислушивался к своему «внутреннему голосу».

– Я понял, Всемогуший! – произнес он и, протрубив в рог мохнатого овцетигра, указал концом короткого копья в ту сторону, где скрывался Главный жрец «Храма Ожидания».

– Вперед! – прорычал предводитель, подгоняя своих людей болезненными ударами древка копья.

«Плоскуны» считали, что их жертва никуда не денется. Они вились вокруг Замойски, как хищные птицы, едва не касаясь его гравилыжами. Они ничего не соображали. И соображать не хотели. «Кайф – это насилие».

Восемь человек и два пистолета. Бог ты мой, прикинул Замойски, они еще не знают, на кого наткнулись. Лишь бы время встречи не пропустить. Надо заканчивать с ними быстрее.

Главарь «плоскунов» – детина лет сорока пяти с возвышающейся на метр копной светящихся волос, заложил вираж и едва не скользнул по плечу Замойски. Лыжи двигались все медленнее, видимо, компания решила перейти к активным действиям. Три девчонки и пять парней визжали все громче.

«Опасность в парке – двадцать девять единиц», – захле-

бывался «хрустальный глаз».

Замойски рассчитал траекторию движения. Ловким движением руки он подцепил лыжу главаря, и тот рухнул на мягкую траву с двухметровой высоты, выронив пистолет. Не прекращая движения, Джон подпрыгнул, ногой зацепил лыжу, на которой стояла девчонка с пистолетом, и одновременно плечом снес третьего «плоскуна» с оружием. Последний пистолета не выпустил. Упав, он хотел было направить его в сторону противника, но Замойски небрежным взмахом ноги рубанул его каблуком по голове. Пусть отдохнет в реанимационном контейнере.

Главарь, позабыв о пистолете, вскочил и выхватил вибронож.

Черт, опоздаю, подумал Замойски. Сделал ложный выпад. Главарь отпрянул и получил уже настоящий удар кулаком в челюсть. Челюсть треснула, ломаясь в двух местах. В реанимационный контейнер! Кто еще желает?

Больше в контейнер не желал никто. С визгами «плоскуны» разлетались. Они издавали вопли ужаса и радости. Развлечение им пришлось по душе. Пусть жертвами стали их приятели, но все равно зрелище было достойное. «Кайф – это насилие!»

Замойски перевел дыхание и посмотрел на часы. Может еще успеть...

Трансвестита по кличке Фита Замойски заметил у бара «Дальний Запад», приютившегося в глубине СТ-проек-

ции, изображавшей падающую десятибалльную океанскую волну... Впрочем, СТ-проекцияли? Замойски коснулся рукой поверхности и ощутил воду.

Фита стоял рядом с тремя «девочками» (или мальчиками – кто их разберет теперь) под волной. Здесь собрались «съемные» – те, кто пришли отдаться ради удовольствия. Настоящие жрицы любви обитали с другой стороны бара – под шестиметровым индейским барабаном, по которому беззвучно колотили палочки.

«Нежный проспект» хотя и меньше всего походил на проспект в общепринятом смысле этого слова, но свое название оправдывал он был центром телесных увеселений. Хотя тут имелись и залы с нейроактиваторными возбудителями, и садомахи – на компанию или в одиночку, но все-таки главным предназначением этого места было удовлетворение телесных потребностей. Все прогнозы об отмирании секса после изобретения нейростимуляторов, воздействующих непосредственно на центры удовольствия, и сенсориков не оправдались. Все равно людей тянуло к противоположному полу или к своему собственному, а то и вообще к существам без пола – дело вкуса. Так что «Нежный проспект» пользовался популярностью. Сюда приходили позабавиться с представителями древнейшей, но так и не сдавшей свои позиции профессии, но можно было и просто познакомиться с кем-то. Это место было идеальным для встречи с агентурой. Здесь было много всякой всячины, был такой замысловатый город-

ской рельеф, толпилось такое количество народа, что никакие встречи не казались странными и не работали никакие контролькамеры.

– Пойдешь со мной? – спросил Джон у Фиты.

– А ты не выдохнешься, красавец? – томно произнесла Фита.

– Держу пари, что ты первая сойдешь с дистанции.

– Немного видела таких смельчаков. Пошли. Замойски взял Фиту под руку и повел ее в соседнее заведение, где можно было быстро и без проблем снять временный жилой блок для телесных утех.

Фита не стала дожидаться того момента, когда они останутся наедине, а сразу нервно зашептала;

– Я чувствую, что ко мне присосались. Скорее всего ФБР. «Индикатор наблюдения» показывает бегущую волну.

– Это может ничего и не значить.

– Сегодня зашкалило за два ноля восемь.

– Да, есть вероятность, – вынужден был признать Замойски.

– Что делать? Ох, что же делать? – Фита всхлипнула. – Погибнет моя репутация.

– Репутация, – усмехнулся Замойски. – Какая к черту репутация? Что ты мелешь?

– Все погибло.

– Не хнычь. Скорее всего, это просто расшалились нервы. Уверена, что за тобой сейчас не следят?

– Не должны, – повела плечиком Фита, – Ровная волна.

– Ах эта техника, – Замойски посмотрел на свой индикатор. Показания не росли. Значит, технического наблюдения нет.

Они зарулили в глубину СТ-проекции, располагавшейся внутри огромного зала, который был чем-то вроде холла гостиницы. Внутри СТ-проекции было как-то серо. Привычно покалывало в затылке. СТ-проекции хороши, что в их поле нельзя прослушивать. Они гасят акустику и ЭМ-излучения.

– Ну, что узнала?

– Центрразведуправление аризонцев проявляет повышенный интерес к Ботсване, – быстро заговорила Фита, проглатывая окончания слов.

– Откуда информация?

– Источник в компьютерном центре ЦРУ.

– С чем связан интерес?

– Тему ведет управление перспективных линий развития.

– Научная разведка, – кивнул Замойски. – На Ботсване...

Это примерно то же, что намывать золото в канализации.

– Ну, не знаю. На Ботсвану заброшен оперативник по кличке Динозавр и с ним двенадцать бойцов прикрытия из элитного разведывательно-боевого подразделения «Ястреб». Заметь, что среди них нет ни одного робота, а это говорит о многом...

– Что еще?

– Пакет информации.

– Прослушаю в номере.

В глубине СТ-проекции электронные приборы не работают. Они вышли из стереопроекции и направились к хозяину этой ночлежки.

– Нам двухместный блок, – сказала толстяку хозяину с вызывающе круглой лысиной на макушке Фита.

– Нет проблем, – противно проблеял хозяин, ощерившись в хищно-подобострастной ухмылке. – С волновыми нейростимами? С химическими сенсорнакладками?

Что-то натужное и неискреннее почудилось Джону в словах да и во всем поведении хозяина борделя.

– Живьем, – проговорил Замойски, внимательнее приглядываясь к собеседнику.

– Нет проблем, – снова проблеял хозяин. – С вас двадцать задатка. И столько же после, если переберете время.

– Может и не доберем, – хмыкнул Замойски, и кулачок Фиты впился ему в бок.

– Еще как переберем, – проворковала она. Замойски взял электронную ключ-полоску. Пустой жилой блок, куда направлялись Джон и его агент, встретил их гостеприимно распахнутой дверью, что говорило о том, что он пока свободен от клиентов.

– Я тебе дам прослушать файл – он не подлежит копированию. И мне его сегодня нужно вернуть. В файле еще кое-какая информация по операции. Кстати, она проходит в ЦРУ как «прямая трасса».

– Ничего себе, – присвистнул Замойски. «Прямая трасса» – один из первых приоритетов. Операция действительно важна.

– Проходи, – кивнул Замойски.

И вдруг браслет на руке заколол электрическими иглами. Замойски кинул взгляд на индикатор. Цифры «ноль-пять». Тревога. Не просто выявлено наблюдение. Это означало, что противник готов перейти к действиям.

«Приехали», – подумал Замойски.

– Уходим, – крикнул он Фите. Но было поздно...

Сначала Главный жрец почувствовал озноб, на него вдруг будто повеяло холодом смерти. Затем он увидел огромных пятнистых кошек со злобно горящими глазами-блюдцами. Они надвигались ближе и ближе. Из их разверстых пастей пахло мерзким запахом гниения.

Почудилось. Нет никакого запаха. А звери есть? Не чертово наваждение?

Старик попятился, не желая поворачиваться к хищным тварям спиной. Стоит только повернуться и побежать, как тут же в шею вопьются звериные клыки. Поэтому он продолжал пятиться, пока не прижался спиной к каменной стенке высокой скалы. И тут звери бросились на него. Он и сам не

понял, как смог одним прыжком преодолеть высоту и взобраться на отвесную скалу, оказавшись над ревущим водным потоком, ниспадавшим с еще более высокой кручи и тут же уходящим куда-то в подземные штольни, пробитые в мягкой породе самой водой.

Кошки продолжали приближаться. Они изготовились к прыжку. И в этот момент старик поднял руку со священным камнем. Звери застыли. Не просто замерли. Старику приходилось видеть объемные фотографии. Звери сейчас были именно такими – застывшее, замершее во времени изображение. Они всколыхнулись и растаяли, словно клочья тумана, разогнанного порывистым ветром.

Это было наваждение. Посланный врагом заряд ненависти. А его ненависть может убивать... Плохо. Значит, враг опять обнаружил его. И за призрачными кошками двигаются реальные враги. Старик ощутил их присутствие у скалы всей своей сущностью...

Вот они уже взбираются на скалу!

Главный жрец осмотрелся вокруг. Бежать было некуда. Или есть куда? Простые пути – это для обычных смертных. Колдун может пройти там, где не пройти никому.

Вознеся молитву к Тем, Кто Ушел, прижал к груди камень Хаабад, закрыл глаза и низринулся в бурлящий поток.

Предводитель охотников за головами, подбежавший к краю пропасти, со страхом воззрился на то место в бурном потоке, где скрылась голова Главного жреца «Храма Ожидания».

НИЯ»...

Тело действовало само собой, вне зависимости от разума. Будто из-под земли, из купола соседнего жилблока, оказавшегося всего-навсего СТ-проекцией, вынырнуло трое головорезов, вооруженных ЭМ-автоматами. Послышался жуткий гром, мелькнуло ослепительное пламя – это рвались «колючки» – спецсредство, использующееся для того, чтобы привести задерживаемого на несколько секунд в шок – как раз это время нужно, чтобы опутать его эластонитями. Потом расцвели два цветка – это рванули газовые гранаты.

Так бы и произошло – Замойски выключили бы и вскоре он был бы в подземном островном комплексе ФБР, откуда его бы не спас никто. Но он начал действовать на секунду раньше противников. Еще только летели «колючки», а Замойски уже растянул защитмаску, находящуюся в воротнике, на всю голову. Это одно из последних изобретений Московитянских оборонщиков. На Аризоне таких штуквин пока не выпускалось, головы агентов ФБР были закрыты колпаками.

Маска поглотила акустический и световой удар. Единственно, что плохо – после вспышки прозрачный пластик на секунду затемнялся. Но не только у Замойски, а и у фэбэ-

эровцев. Это-то и подвело аризонцев. Замойски знал, как и куда двигаться. Когда пластик просветлел, он уже сошелся с агентом ФБР и вырвал у него ЭМ-автомат, а потом ушел в глубину СТ-проекции. Ударил кому-то, скрывавшемуся там, по шее. Выскользнул на открытое пространство. Метнул плазменную гранату в стену, и в ней образовался пролом. Выскользнул на улицу.

Ему повезло. Прямо в глубине Петли Мебиуса, являвшейся пешеходной дорожкой и уходившей в голубое море внизу, висел «пузырь», легкомысленно оставленный хозяином. От похитителей «пузырь» был заблокирован, но у Замойски имелся компьютерный проницатель, сбивающий любую программу, способный проникать в чрево больших биокомпьютеров и объемных информбанков. Сломать защиту «пузыря» – ровно две секунды, Замойски утонул в сиденье, которое начало тут же массировать ему шею видимо, хозяин любил массаж.

– Отставить, – прикрикнул Замойски. – Ручное управление. Вверх!

«Пузырь» – двухметровая прозрачная гравитационная капсула – взмыл вверх.

Ручное управление включилось не сразу. Конструкторы не без оснований считали, что по трассам города визуально не пробраться. Но проницатель сломал программу, и Замойски взял управление в свои руки.

Ну, теперь одна ошибка – и катастрофа. У Замойски было преимущество перед фэбээровцами. Он один из немногих

людей, способных провести «пузырь» по городу вручную.

Он рванул «пузырь» вверх, едва не протаранив спицу дискетной карусели, потом уклонился от несущегося со скоростью восемьсот миль в час вдоль синтетик нити вагона игольника. Пробил СТ-проекцию гигантского буддистского храма.

Кинул взгляд на индикатор слежения. Цифры ползли вниз, но опасность все равно была велика.

«Пузырь» завис в пяти метрах над кустарником радиального бульвара. Замойски опять влез в компьютерную систему. Закончив с ней, взглянул на индикатор. Цифры стали расти. Преследователи где-то близко. Индикатор фиксировал изменение электромагнитной активности следящих уличных устройств, считывал с городских компов информацию о передвижении людей, определяя признаки слежки. Фэбээровцы очухались после первой неудачи. А, как бы то ни было, работать они умели. И уже сужали круг.

«Пузырь» взмыл вверх и исчез в городских изломах. Фэбээровцы сейчас засекут его. Замойски представил, как руководитель операции смотрит на объемный план города и на ползущую красную линию. Он знал что она означает траекторию «пузыря», внутри которого, по сообщению бортового компа, сидит пассажир. И пассажир этот – Замойски. А синие траектории глайдеров-перехватчиков сближаются с красной, Вот-вот они сойдутся в одной точке, и тогда полетит через эфир сообщение: «Захват произведен. Фигурант

на месте». Только зря надеются. «Пузырь» пуст. ЗамоЙски они там не найдут.

А между тем ЗамоЙски прыгал с одной движущейся ленты на другой в «Пикассо-кубе» – месте обитания городской богемы. Архитектор «куба» был явно не в своем уме. В этом месте можно было, если не прибегать к помощи «хрустального глаза», петлять не один месяц и возвращаться все время на одно и то же место. Да и электронный проводник далеко не всегда мог оказаться хорошим советчиком. Найти здесь кого-то очень трудно.

– Оторвался, – прошептал ЗамоЙски, оглядываясь.

Глаз терялся в диком переплетении линий и фигур, в глубине которых сновали, валялись, сидели, целовались, а то и занимались любовью люди. «Пикассо-куб» жил своей запретной, абсурдной жизнью.

– Я потерял его, – склонив голову, негромко произнес предводитель охотников за головами, стоя перед тронном Всемогущего. – Он ушел от нас. Но я уверен, что он ушел в страну вечной охоты,

– Враг все еще жив, – устало произнес Черный Шаман, которого погоня утомила так, будто он сам отмахал эти версты по джунглям. – Чего не скажешь о тебе.

– Я жив, – возразил предводитель. – Мои легкие наполняются воздухом. Кровь течет по моим жилам. Я жив, Всемогущий.

– Жив? Может быть, и так, – в глазах Черного Шамана мелькнула усмешка. – Подойди поближе, мой любимый слуга. Мне тяжело. Моя чаша опустела. Помоги мне.

– У меня нет пленных. Но только прикажи, и мы приведем тебе их. Только пожелай, Всевидящий.

– Я не хочу тревожить моих преданных слуг понапрасну, Он вскинул палец. Два гиганта – глухонемых телохранителя Шамана – подскочили к охотнику за головами и бросили его лицом на пол.

– Пощади, – произнес тот.

– Ты оказался глуп. Мне нужен новый предводитель охотников. Но ты был верен. И ты закончишь как положено хорошему слуге...

Мелькнул в руках телохранителя острый как бритва нож. Кровь полилась в заботливо подставленную чашу. Это слишком драгоценный напиток, чтобы терять хоть каплю...

Оттолкнув ногой обескровленное тело слуги, Черный Шаман приник к чаше, жадно глотнул теплой крови и сразу после этого уверенно произнес:

– Я найду тебя!

И засмеялся булькающим смехом. Смех становился все громче. Он звенящим ручьем катился по каменным закоулкам помещения, гулял по углам.

– Я найду тебя!!! Ха-ха! Ты будешь моим!!!

Джон Замойски оказался в чрезвычайно сложной и опасной ситуации. Агент Фита расколется быстро – спецслужбы Аризоны умеют развязывать языки. К тому же в ходе контакта с Фитой он и сам наверняка засветился. Теперь у контрразведки есть его СТ-графия.

По конфиденциальной инфосети, имея СТ-графию, личность можно установить за четыре секунды. Значит, его везде ищут. На контактные адреса дорога заказана. Знакомые и сослуживцы – под колпаком наблюдения. Даже по улице ходить опасно – попадешься на глаза контрольной системе, возьмут под белы ручки – и в логово ФБР. Там попытаются с помощью психотропных «правдоискателей», волнового психозондажа гипнометодик выудить из него все. Ничего у них не выйдет, и тогда единоличный суд. Единственно, с кем не церемонятся на Аризоне, – это с агентами москвитян. Полчаса на судебные формальности, а дальше – засадят в «скафандр-одиночку», как называют здесь камеры для шпионов и патологических убийц, на счету которых не меньше десяти трупов. Из него, выброшенного в космическую пустоту, выбраться пока еще никому не удавалось. Представив себя в подобной «квартире», кувыркающимся в полном автоном-

ном режиме где-нибудь в созвездии Скорпиона, Джон зябко поежился, передернув плечами.

Выбравшись из «Пикассо-куба», Замойски отправился в виртуальный парк – там спрятан аварийный спецконтейнер. И понял, что его в парке ждут. Притом понял вовремя – не успели засечь. О контейнере знали всего трое. Значит, один из них сгорел. Следовательно, погорела добрая половина агентурной сети. И, главное, неизвестно какая.

Значит, один канал аварийного отхода перекрыт наверняка. Второй канал под вопросом. Плохо. Надо выбираться с планеты, но как? Вариант есть. Крайний вариант. Контактер Джону неизвестен. Нужно оставить для него кодированное сообщение в информкомпсети, и через два дня будет в условленном месте, названной все по той же сети, закладка с необходимым оборудованием.

Сказано – сделано. Сообщение ушло. Теперь вопрос – где прокантоваться два дня? По улицам шататься опасно. Отели наверняка взяты под контроль. Можно попытаться, используя комппроникатель вселиться в пустующую квартиру. Но тут тоже не исключены неприятные случайности, может быть, которые предусмотреть невозможно. Есть кое-какой вариант лучше.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Притом друзей нужно иметь таких, которые не продадут. У резидента самая лучшая «дружба» та, которая сцементирована страхом. А то, что Малютка Пен боится его, Замойски не сомневался.

Малютка Пен – огромный детина под два метра ростом и около ста пятидесяти килограммов веса, числился у мистера Замойски в должниках. Несколько галактических месяцев назад Малютка Пен здорово погорел на одной афере, перепродавая партию залежалого инопланетного товара, приобретенного им через третьи руки. Товар пришел в окончательную негодность, оказался к тому же зараженным какой-то жуткой бациллой, и Замойски ссудил простофиле крупную сумму денег на его утилизацию. Иначе у Малютки Пена отобрали бы и мастерскую и виллу в пригороде Нью-Тауна. Обычно в таких случаях санитар-но-бактериологический контроль на Аризоне действовал решительно по отношению к возможным разносчикам инопланетной заразы.

Помогая Малютке Пену деньгами, Джон преследовал свои цели. Зная, что здоровяк не последний человек в местной мафии, Джон надеялся со временем использовать его преступные связи, когда в этом возникнет необходимость. Такая необходимость возникала несколько раз. В результате Малютка так запутался в совместных делах, что попал в полную зависимость от президента. Он стал управляемым. И превратился в тех помощников, которые не продают своих хозяев. К такому положению вещей Малютка Пен не привык, поскольку не считал зазорным всю жизнь продавать всех. Но с Замойски такое не прошло бы.

Южный Бронкс, в котором жили в основном этнические ирландцы, напоминал собой огромный дирижабль, а скорее

свифтовскую Лапуту. Он завис на высоте семисот метров над центральной частью города. В нем жило сто двадцать тысяч человек, которые к остальному населению столицы относились с определенной долей высокомерного презрения.

Малютка Пен не был исключением, как и прочие ирландцы, входившие в состав его бандитского клана, считал себя патриотом района и затевал всевозможные дурно пахнущие делишки только в других концах города.

Именно к этому ирландцу и направился Джон, надеясь отсидеться у него до того момента, пока его преследователи не успокоятся и не займутся другими делами.

– Никак мистер Замойски пожаловал, собственной персоной? – осклабился Малютка Пен, отложив в сторону диагностический прибор, с помощью которого определял состояние внутренних голографических схем бытового робота, побывавшего в серьезной переделке.

Ремонтировал роботов Малютка Пен больше не ради заработка – он ни в какое сравнение не шел с доходами от преступного промысла. Просто любил это дело. И слыл в нем отличным мастером.

Заметив то, с каким интересом Джон разглядывает поломанную машину, здоровяк пожаловался:

– Житья не стало от этих молокососов – «плоскунов». Что это за роботофобия такая? Любой робот вызывает у них приступ ярости. Так и норвят изничтожить любого металлического парня, который только попадетсЯ им под руку. Ви-

дишь, что они сделали с этим другом семьи? Даже бронированный голографический блок вывернули – это ж надо, не менее полчаса возиться! Вряд ли мне удастся его полностью восстановить в первоизданном виде.

– Поговорим? – тихо осведомился Замойски.

– Э, мистер кредитор, уж не пришли ли вы ко мне за должком?

– За кого ты меня принимаешь, дружище? – притворно удивился Джон. – С должком можно и подождать. Нам ли с тобой деньгами считаться. После всего, что мы вместе творили.

От подобных слов ирландский скупердяй просто расцвел. Малютка Пен уже дважды собирался предложить своим подельникам устроить Джону безвременную гибель, как-нибудь невзначай подстроив ему несчастный случай, лишь бы только не отдавать долг. Но, как ни обдумывал, не мог найти такой вариант, чтобы не погубить и себя. Очень уж крепко Замойски держал его за горло.

Да и сам Замойски парень не промах. Малютка Пен собственными глазами видел, как Джон накостылял сразу пятерым амбалам, Изуродовать Джона пытались в общем-то ни за что. Если быть точнее, его просто перепутали с одним карточным шулером, на «обработку» которого «фирма» имела заказ. И надо же, чтобы перепутали его именно с Замойски. Отделал Джон всех тогда как мальчишек – не помогли и виброножи, и два пистолета. Среди этих пятерых пострадав-

ших бандитов был и сам Малютка Пен. Ему досталось меньше других, пришлось всего-навсего регенерировать отбитую селезенку. Это обошлось ему в весьма солидную сумму, и больше тратиться на поправку собственного здоровья владелец мастерской не желал.

Да он еще и сомневался, что ликвидировать Замойски в состоянии даже специалисты первого класса оплаты в одной из трех гильдий наемных убийц города. Когда Пен начал осуществлять с Замойски совместные деловые проекты, то через некоторое время с удивлением понял, что вовсе не обдуривает, как задумывалось сначала, собственного партнера, а, наоборот, сам угодил в сети паука.

– Мне нужно укрыться у тебя на некоторое время, – взял быка за рога Замойски.

– Зачем? Кто тебе подпалил хвост?

– Кредиторы, Пен. Они, негодяи. Почему все считают, что Джон Замойски держит благотворительное бюро?

– Ты добрый человек, Джон, в этом твоя беда.

– Точно так. В общем, финансовая яма. Я бы расплатился с ними, но неохота кормить дармоедов. И еще – для этого мне пришлось бы собрать старые долги, – Замойски насмешливо посмотрел на Пена, и тот заерзал на стуле.

– Ох, эти деньги. Из-за них проходят трещины даже между добрыми друзьями. Хоть в общих чертах, что за кредиторы?

– Ничего страшного. Я задействовал некоторые каналы, и

вопрос с ними решу дня через два-три. Хуже, что они ищут везде меня. И даже подключили ФБР.

– Что?!

– Ничего. Полмиллиона кредов – и ФБР в кармане. Ты что, не слышал, что фэбээровцы за деньги способны объявить охоту?

– Слышал, – кивнул Малютка Пен.

Действительно, бывали случаи, когда чины из ФБР, польстившиеся на огромные взятки, открывали охоту на ни в чем не повинных людей – чьих-то должников, каких-то кредиторов. Представители ФБР называли слухи об этом грязной клеветой, но те, кто владел информацией, а Пен относился к их числу, знали, что не бывает дыма без огня.

– Так что ты дашь мне приют, – уже не спрашивал, а утверждал Замойски.

– Хорошо, – кивнул с кислой миной на лице Пен. – Ты же мой друг.

– Да. Спасибо. Дружба – святая вещь, Пен. Ты вон сколько мечтал убить меня, но как истинный друг все не решился

Пена покрыл холодный пот.

– С чего ты взял?

– Да брось ты. Я не в обиде. Твои мысли – твое личное дело. Но... Пен, не вздумай шутить сейчас. Иудины серебряники ФБР имеют обыкновение вставать поперек горла. Если что, я тебя без труда и с того света достану.

– Я все сделаю как надо, Джон. – Мы же друзья...

«... Что же такое врач в истинном смысле понимания этого слова? Простота, доступность его и здоровым и больным, полное спокойствие и уверенность в себе и своих действиях и, несомненно, знание болезней, их альфы и омеги. А ведь тоже самое, только иными словами, говорил еще великий Гиппократ».

Никита Федорович Сомов – высокий худощавый человек с рыжими волосами и голубыми глазами – поправил на голове обруч электронного фиксатора, которому надиктовывал свой труд, неторопливо шагая по коридорам передвижного госпиталя. Он продолжал думать о введении к будущей монографии по вопросам космомедицины, которое заказала ему инфрасеть Санкт-Петербурга. Многих интересовали методы работы и колоссальный медицинский опыт, накопленный космогоспитальером Сомовым за время его деятельности на ретро-планетах Вселенной.

– Никита Федорович! – прервал размышления главного госпитальера высокий широкоплечий брюнет по фамилии Бугров – стажер из космомедицинской академии, изучавший заболевания детей и подростков на Ботсване. – Жизненно необходима ваша консультация.

– Что произошло? – резко переключил свое внимание с

одного дела на другое госпитальер.

– Я ничего не могу поделать с этим вариантом злокачественной лейкемии. Похоже, мы теряем девчужку...

– С каких это пор злокачественная лейкемия вызывает у вас столь пессимистические прогнозы? – осведомился госпитальер. – Еще двести с лишним лет назад наши коллеги из Института крови предложили вполне доступные для нас с вами методики лечения подобного недуга. Или вы с ними не знакомы?

– Знаком, – проговорил стажер.

– Ну и?..

– Здесь что-то не так. Я не понимаю, что происходит с моей пациенткой! – Бугров развел руками. – Все реакции ее организма на проводимое лечение не соответствуют стандартным. Клиническая картина заболевания совсем иная, не похожая ни на что известное...

– Э, дорогой мой! Я сам часто впадаю в грех нерешительности и излишнего неверия в собственные силы, но не до такой же степени! У вас есть в наличии чудесная диагностическая аппаратура, которая...

– Ни черта не может! – вырвалось у стажера.

– Та-ак, – протянул Сомов. – Пойдемте к вашему «сложному случаю». Чем могу–помогу.

Сомов, неодобрительно покачав головой, заспешил к пневмоместнице, которая доставила его на третий ярус госпиталя-автомата, совсем недавно развернутого на Ботсване

по просьбе ее правительства.

Семилетняя Наоми Бурака бессильно распласталась на воздушно-силовой подушке.

– Почему вы не распорядились поместить пациентку в автоматический блок интенсивной терапии? – строго спросил Сомов у стажера. – Сколько раз можно повторять, что к больному нужно относиться так, как ты сам бы хотел, чтобы к тебе относились в час болезни... Немедленно прикажите персоналу переправить девочку в спецблок, а я прослежу за исполнением.

Сомов подождал, пока работ-манипулятор осторожно перевез Наоми в дежурную палату, зарезервированную под прием особо высокопоставленных пациентов с этой планеты, и уложил ее на подушку под аппарат искусственного кровотока.

В воздухе повисли стереоизображения. Посвященному человеку нетрудно было читать по появляющимся кружочкам, кубикам, цифрам процессы, происходящие сейчас в теле больной. И эти показатели сильно не нравились Сомову.

Прошло пять минут – стандартное время, необходимое для того, чтобы добиться значительного улучшения. Ничего подобного.

– Пульт, – приказал Сомов и уселся в кресло.

Прямо под его пальцами очутился объемный имитатор пульта. Пальцы, касаясь клавиш, проваливались, поскольку самого предмета не было, он был всего лишь СТ-проекции.

ей. Но управлять при его помощи можно было точно так же, как и при работе с обычным пультом. Многим это новшество было не по душе – пальцы должны ощущать клавиши. Но Сомову больше нравилось работать именно с проекцией.

Пальцы его бегали по несуществующим клавишам. В воздухе возникали и распадались символы и цифры. Сомов жил одной жизнью со своим аппаратом. Он вместе с ним пытался победить темный призрак – болезнь, пытавшуюся изничтожить жизнь девочки.

Семь минут... Никаких улучшений. Плохо. Очень плохо. Никакого эффекта... Девять минут. Кубики в воздухе начали танцевать танец. Пока еще неуверенно. Фигуры распались, создавались новые. Постепенно танец становился все более четким... Что это значило? Что Сомову удавалось достичь гармонии. Болезнь неуверенно начала отступать...

Одиннадцать минут, Пот катил градом по лбу Сомова. Глаза слезились... Гармонизация – пятьдесят процентов. Восемьдесят... Четырнадцать минут... Сотня!

Закончено!

Сомов откинулся в кресле совершенно обессиленный.

– Неужели получилось? – ошарашенно произнес стажер.

– Посмотрим, Подождем.

Девочка под воздействием стимуляторов пришла в себя через двадцать минут.

– Я чувствую себя лучше, – с благодарностью прошептала она, предварительно поправив на груди медальон-перевод-

чик.

– Да, твои дела пошли лучше, – согласился Сомов, включая свой электронный переводчик.

– Вы хотите сказать, что я еще не совсем выздоровела? – спросила Наоми, округлив наивные глазенки.

– Пока еще нет. Нужно продолжить лечение.

– У меня очень страшная болезнь?

– Была когда-то страшная. Но мы научились ее лечить, не волнуйся.

– Я правда вылечусь?

– Конечно, но ты должна нам помочь.

– А что надо делать? Лежать в больнице?

– Нет, милая. Скоро мы тебя выпишем, но ты будешь еще некоторое время приходить к нам и подлечиваться. Ты ведь будешь приходить к нам?

Девчушка кивнула и устало прикрыла глаза.

– Еще дня два и у нее начнется устойчивая ремиссия, – проговорил Сомов, обращаясь к молодому коллеге. – Надо надеяться, – неуверенно добавил он.

– Вы просто маг и волшебник, Никита Федорович! Я уже дважды сегодня проводил ей спецрегенерацию эритроцитов, но толку ноль, а вы с первого раза достигли потрясающего эффекта, Я не видел, чтобы так работали с техникой.

– Сложный случай, – сказал Сомов. – Надо будет следить за девочкой. Хорошо, если это генетические сдвиги. А если неизвестная форма болезни?

– Вряд ли.

– Твоими бы устами... Давай, кличь практикантов в ординаторскую на пятиминутку.

Вскоре главный госпитальер выступал перед пятерыми стажерами, практиковавшими в его лечебном учреждении.

– Ну что, друга мои, тяжела ноша? – улыбнулся он.

– Еще бы, – слышались голоса практикантов.

– Дикость какая-то процветает.

– Меня колдуном обозвали, просили женщину приворожить.

– А мне руки целовали. «Мои жены теперь твои жены».

Местный богатей у Голубых Озер.

– И чего, не воспользовался?

– Ага, тебе бы все хохмить, а я еле выбрался.

– А мне копьем угрожали. Тоже мол, колдун. Если от смерти спас, значит, дружит с ней. Ну, со смертью...

– Да, друга мои, – кивнул Сомов. – Тяжелое место, забытые болезни. Дикость. Но тот, кто не бывал здесь, на Ботсване, разве может называться настоящим врачом?

– Не может, – воодушевились практиканты.

– Для ботсванцев вы колдуны. Они живут в мире, где колдуны куда большая реальность, чем доктора. Но их нельзя презирать за это. Помните, что такое деонтология? Сумма представлений о должном во взаимоотношениях врача и пациента, без чего медицина становится бездушной, врачевания

ние лишается мудрости, а сам врач теряет нравственную силу. Изучение личности больного, его переживаний, эмоций, особенно психики врачу просто необходимо, чтобы оказаться на высоте своего положения, чтобы реализовать свое призвание...

Практиканты знали за Сомовым страсть поговорить на морально-этические темы и вообще о судьбах медицины и человечества. И относились к ней снисходительно, даже с интересом. Они любили главного госпиталяра,

Потом Сомов, оглядев пятерку совсем еще юных практикантов, перешел на разбор самых трудных случаев заболеваний у пациентов, находившихся в данное время на излечении в госпитале. «Пятиминутка» растянулась на целый галактический час. А потом – обычная госпитальная карусель. Напряженный день врача, для которого нет ничего важнее своего долга...

Ближе к вечеру Малютка Пен усадил Джона в свой личный глайдер и помчался вместе с ним, как он выразился, «на лоно природы».

– Там тебе, старый мой друг, будет лучше всего. Моя вилла находится на искусственных островах в получасе лета от мастерской. Там тебя никакой дьявол не разыщет.

– Надеюсь.

– Правильно надеешься. Это, Джон, частные владения. Туда без ордера суда, заверенного надзирательной комиссией, утвержденного административным советом, зарегистрированного в контрольной судебной системе и подписанного вице-мэром, отвечающим за соблюдение гражданских прав, не сунется ни одна легавая собака.

Пен был прав. Священное право на неприкосновенность собственных владений издавна ценилась куда больше даже права на жизнь. На частную территорию с обыском было заявиться практически невозможно даже таким организациям, как ФБР. Обыски практически ушли в далекое прошлое. Собрать все подписи на ордер было нереально, так что обыски проводились во всем Нью-Тауне не больше одного раза в два года. Правда, если ФБР прознает, что Замойски скрывается здесь, они могут заявиться под видом конкурирующей банды и пострелять всех свидетелей – такое бывало, но не так уж часто. Для этого они должны были полностью быть уверенными, что преступник скрывается именно там.

Владения Малютки Пена располагались на искусственном острове, сооруженном из бытовых отходов огромного города, именно той их части, которая не поддавалась утилизации и вторичной переработке. Подобный мусор закатывался в специальные контейнеры-кубы из практически не разрушающегося материала, и из этих-то кубов и «насыпали» искусственные острова. Они стоили сравнительно недорого

и могли приобретаться всеми, кто не желал выкладывать гораздо большие суммы за виллы на гораздо более удаленных, но натуральных островах. Прозвали их в народе по разному. «Гангстерские ранчо» – поскольку они были по карману и устраивали в основном гангстеров средней руки. «Дерьмовые кучи». «Рай засранцев». И прочее – в том же духе. В выражениях аризонцы никогда не стеснялись.

Малютка Пен, не мудрствуя лукаво, «облагородил» безликий ландшафт своего островка наведенными голографическими картинками роскошного первозданного леса, выстроил дом из недорогого материала, запоминающего заданные формы, и зажил в нем, как в средневековой крепости, предварительно обезопасив свой остров подержанной установкой силового поля, чтобы никто, кроме него и членов его банды, не мог туда проникнуть.

Сутки Замойски провел в тишине и спокойствии, время от времени наблюдая свою физиономию в «Новостях». «Разыскивается за государственную измену». Судьба беглых преступников и московитянских шпионов мало кого волновала в Аризоне. Во всяком случае куда меньше, чем обещание звезды «Кретин-рока» Джоанны Линч продемонстрировать тридцать пятую позу интимного контакта с ее псом породы Баскервилль, напоминавшим больше по размерам корову. Поэтому долго физиономия Замойски на экранах не задерживалась. Оживлялись аризонцы, лишь услышав о крупной награде за поимку агента. Но в награду тоже никто

не верил. Да и вообще в Нью-Тауне было не так много людей, в чьих головах надолго могла задержаться какая-то мысль.

На вторые сутки Малютка Пен объявил:

– Сегодня у меня небольшое семейное торжество. Прибудут несколько моих друзей с... э-э... женами. Так что поселимся...

– Ты что, одурел? Чтобы мою физиономию увидели и сравнили ее с изображением из «Новостей»?!

– М-да, незадача получается, – согласился Малютка. – Но встречу я отменить не могу. Это вызовет излишние кривотолки.

– Тогда я не выйду к гостям.

– Тоже нельзя. Они все равно пронюхают о твоём присутствии.

– Ладно, – кивнул Замойски. – Приму участие в вашей вечеринке. Только мне нужен косметический комплект «Дракула».

– Будет.

Действительно, через час доставили комплект. Замойски уселся у зеркала. И через сорок минут оттуда на него глядел совершенно другой человек. Для большинства населения «Франкенштейн» – просто игрушка. Но в руках мастера он творит чудеса. Теперь никто бы не узнал Джона Замойски. Кроме, конечно, полицейидентификаторов, для которых, чтобы раскусить этот грим, понадобилось бы ровно две сотых секунды.

– Бог ты мой, – всплеснул руками Малютка Пен. – Я было подумал, что кто-то пробрался через силовое поле. Ты ху-дожник.

– Умею, – удовлетворенно кивнул Замойски.

Как и было обещано, на острове появились трое ирландцев со своими дамочками, которые вряд ли могли быть их женами, поскольку вели себя так, как могли бы вести себя на подобных вечеринках женщины легкого поведения, приглашенные скрасить компанию закоренелых холостяков.

– Парни, представляю вам мистера Нила Гардина, – проговорил Малютка Пен, когда все разместились за столом, сервированным под званый ужин прямо на берегу моря.

– Я слышал о вас, – пожал руку Джона чернявый подвыпивший коротышка с плутовато бегающими масляными глазками.

– Польщен, – кивнул Замойски, прекрасно зная, что это наспех выдуманное имя никто раньше слышать не мог.

– Что-то с игорным бизнесом. Да? – не отставал коротышка.

– Вроде этого. Только не здесь. Стар-Вегас.

– А-а, – с уважением протянул коротышка. – Меня зовут Большой Рекс, и я заправляю всеми делами в этом... э-э.. коллективе. Вон того хохотунчика, что лезет под юбку той наивной девственницы, кличут Жеребец. Откуда эта кличка – об этом лучше расскажут наши подружки. Того, который набивает брюхо, не обращая внимания на трущуюся об него

Салли, зовут Проныра. Он своего никогда не упустит. Ну а Малютку Пена вам и представлять нечего – вы его и так знаете. Хороший малый, только жаден, как Крез. Замойски не стал объяснять, что последний царь Лидии Крез былне жадный, а богатый.

– Зато девочку Пен себе отхватил что надо. Ее зовут Кальвина, Как вам нравится это имя? Никогда не слышал подобных имен! А так все остальное у нее в высшей степени удачно подобрано – и то, что выше пояса, и то, что ниже...

Большой Рекс продолжал болтать без умолку, расхваливая свою собственную подружку, которую звали Пенелопа. Замойски стало нестерпимо скучно. Тут он заметил призывно-оценивающий взор этой самой Пенелопы, бесцеремонно обшаривающий его фигуру.

На первый взгляд ей не было и восемнадцати, но ее округлые формы, скупо покрытые полупрозрачным коротким платьем из так называемого «магического шелка», надетого прямо на голое тело, могло свести с ума кого угодно из мужской половины населения Вселенной. Даже тех из них, кто предпочитал гомосексуальные связи. Волосы у Пенелопы практически отсутствовали. На голове их успешно заменяла модная шапочка, реагирующая на эмоции своей хозяйки переменой цвета. Одежда то искрилась блестками, то переливалась разноцветьем радуги. Ее зрачки по последней моде заменяли черные изображения лошадиных черепов.

Несносный болтун Рекс переключился на разговор с Малюткой Пенем. А Пенелопа хорошо поставленной походкой направилась к Замойски.

– Что, нравлюсь? – уверенная в своем очаровании, спросила она у Джона. – Можешь не отвечать, красавчик. Я чувствую, когда в мужчине просыпается зверь... Но ведь и во мне может проснуться кошка.

– Хищная?

– Нет, мягкая. Из тех, которые мурлычат на груди... Я хочу, чтобы ты сегодня был моим зверем.

В принципе Замойски тоже был не против. Ханжество не входило в число его недостатков. Он мог похвастаться длинной чередой связей, правда, только с противоположным полом, что считалось на Аризоне ненужной щепетильностью.

– Первым озверевает твой Рекс, – усмехнулся Замойски.

– Пускай...

– Он не Отелло?

– Красавчик, где ты в наше время найдешь ревнивых мавров?

Так, прикинул Замойски, девочка относится к двум процентам населения Аризоны, которые слышали, кто такой Шекспир.

Малютка Пен и Большой Рекс отошли от пировавших и развлекавшихся друзей на солидное расстояние.

– Ты знаешь, красавец, я разбираюсь в людях... Эти ирландцы вообще не люди. Так, тройка злобных скорпионов.

Но ты-то не такой. Ты, красавчик, тут случайно... Им не тебя жалко.

– Почему?

– Потому что скорпионы кусаются... А ты такой беззащитный, – она прижалась к нему всем телом, и Замойски ощутил, как в нем пульсирует кровь и рождается необузданное желание. Он подумал, что, может, дело в духах-возбудителях или в магнитно-волновом эректоре, который вполне мог уместиться в браслете на руке Пенелопы. Но потом понял, что дело все-таки в ней самой. Это действительно была кошка. Она относилась к тем женщинам, которые способны поднять и парализовать с ложа, проведя пальцами по своей обнаженной груди и вильнув бедром.

– Я действительно выгляжу беззащитным?

– Абсолютно. Я давно общаюсь с этими скорпионами. И видела много таких мальчиков, которые кончают свою жизнь в плазменных распылителях в подвалах... Знаешь, я уверена – они готовят какую-то гадость.

– Почему?

– Кошки обладают предчувствиями. Пойдем за ними, – неожиданно предложила она. – Нам достаточно будет держаться от них на расстоянии в сто метров, чтобы нас не заметили, а мы бы при этом слышали все, о чем они говорят.

– Каким образом?

Она продемонстрировала кольцо на своем пальце. Замойски потрогал его. И узнал приемник-детектор класса

«Ухо», притом достаточно высокого класса. Он позволяет считать переговоры, даже когда они ведутся в укрытии, на значительном расстоянии. Любимое орудие банковских охранных структур и спецслужб. Прибор вызывал у Джона массу вопросов. Зачем этой сексуальной кукле такая штукавина? И зачем ей демонстрировать устройство первому встречному?

– Что это? – спросил Замойски, разыгрывая святую наивность.

– Прослушивающая система. Когда общаешься со скорпионами, нужно надевать перчатки. Считаю, это моя гарантия остаться в живых.

– И Большой Рекс знает о твоей слабости?

– В принципе, да. И прощает ее, поскольку не имеет иного выхода... Поэтому я и жива. Но все равно буду благодарна, если ты не будешь молоть об этом свои язычком, которому, может, мы сегодня найдем применение получше. А?

– Найдем, – согласился Замойски.

Они отошли в сторону, в тени разлапистого трехствольного дерева с листьями размером со сковородку и с крючковатыми ветками. Пенелопа активизировала «Ухо». Работала она с ним умело. Послышались приглушенные голоса Маленького Пена и Большого Рекса.

– Кто такой этот тип? – голос принадлежал Рексу,

– Это моя проблема, – вздох, принадлежавший Маленькому Пену, был таким горьким, что гангстера стало просто

жалко.

– Большая проблема?

– От нее было бы лучше избавиться.

– За чем стало дело?

– За тем, что это слишком большая проблема.

– Эх, старина Пен. Тебя погубит мягкотелость. Ты слишком добр. Итеряешь хватку.

– Это говоришь мне ты, Рекс? Тот, который до сих пор чувствует мои железные пальцы на своей шее.

– У меня крепкая шея, дружище. Слишком крепкая... Но я готов признать справедливость твоих слов.

– С каких пор ты стал поганим дипломатом, Рекс? Скажи честно, не виляй задом, как возбужденный гомик – Малютка Пен держит тебя за глотку так, что не дернешься. А, дружище? – Каркающий смех. – Без обид?

– Без обид, старый пердун.

– Мы же с тобой друзья. Мы выбросили в открытый космос Обезьяну Багса и пятерых его громил. Мы разделались с Грязным Нго. Нам ли после этого ссориться?

– Ты прав, старый негодяй. Давай дернем по рюмке. А гость твой, Пен, просто дерьмо. И он лезет к Пенелопе. Но так как Пенелопа тоже дерьмо, я прощу им это. Пусть гуляют.

– Правильно. Пусть порадуются жизни в «круге удовольствий».

– Эх, Пен, старый мой друг, – вздохнул Рекс, и что-то ре-

зануло в его голосе. Замойски ощутил что-то, укрывшись от слуха Малютки и Пенелопы...

Вернувшись к столу, Замойски с Пенелопой дождались прихода тех, кого только что подслушивали.

Малютка Пен, хватив стаканчик, обратился к Джону:

– Вижу, ты нашел общий язык с Пенелопой. Рекс не в обиде. Не хотите посетить «круг удовольствий»? Думаю, что Пенелопа согласится вас туда сопроводить.

– Что это такое? – спросил Замойски.

– Это то, что обошлось мне в сотню тысяч кредов. Таки-ми сенсорусилителями не похващаются даже большие арены города. Ну как?

– Согласен.

Комната была небольшой – пятнадцать квадратных метров. В ней не было ничего, кроме похожего на глыбу льда, обернутого несколькими кольцами волнового наведения ТТ-300. Действительно, эта аппаратура стоила сотни тысяч кредов. Она усиливала чувства, доводила их до предела. Воздействовала на центры удовольствия. Вещь безвредная при кратковременном использовании. Но начав этим увлекаться, многие становятся зависимыми. Исыхают от голода, раз за разом возбуждая себя снова и снова. От таких штукек ежегодно гибнет несколько тысяч человек только в Нью-Тауне.

– Давай, красавчик, – прошептала Пенелопа, освобождаясь от одежды и присаживаясь на ложе. – Не надо, я сама.

Она медленно сама раздела Джона. Избавление от каждого предмета туалета она сопровождала работой языком, А пользовалась она им не только для того, чтобы сплетничать. Замойски показалось, что сенсорусилители уже включены – настолько резкое блаженство пронзало его. Пенелопа обнажила его окончательно и стала покрывать поцелуями с ног до головы. А он действительно ощущал, как в нем просыпается зверь, когда целовал ее тело, ласкал губами ее наполненные безумной жизненной силой соски, опускался губами все ниже и ниже. Он вошел в нее, освободился от переполняющей страсти всего на миг и воспрял снова. Это было изумительно. Она действительно была кошкой и билась в диком приступе экстаза.

Сенсорусилительное оборудование все не включалось. Когда оно загудело, последнее, что понял Замойски – сотня тысяч кредов потрачены Малюткой Пенем не зря.

Пенелопа стала для Замойски целой Вселенной. Это была Вселенная Наслаждения. В его действиях разум не участвовал. Какой-то счетовод в глубине сознания отсчитывал, сколько раз Замойски достигал пика наслаждения. Сколько раз достигала его и Пенелопа. Они сливались, будто заглядывали друг друга, превращались в огненный вихрь, потом в черные дыры, разлетались в разные концы мира, чтобы опять сойтись снова во всепожирающем пламене страсти. Возможно, их страсть и была тем самым Большим Взрывом, родившим Вселенную.

Сколько это продолжалось? Трудно сказать. В мире сенсорушения время течет иначе. Человек выпадает из времени.

Голова была пустая. Сознание витало в невесомости. Потом Замойски стал приходить в себя, По всем правилам он должен был бы провалиться еще с час.

Но несмотря на полное подчинение страсти, в самой глубине его существа жила какая-то частичка, готовая вспыхнуть, преобразиться в сокрушительное действие, если возникнет опасность. Только четвертый посвященный в гимнастике скрытых энергий «Тучэй» способен на такое. Но никто из присутствующих не мог представить себе, что человек, лежащий на ложе, достиг четвертого уровня посвящения в этой гимнастике. Такими успехами могут похвастаться меньше тридцати человек во всей Вселенной.

Пенелопы рядом не было. Замойски ощущал дисгармонию в окружающим мире. Ощущал притаившуюся смерть. Он знал, что должен встать. Резкое усилие. Будто холодная волна прокатилась по телу, смывая последствия воздействия сенсорусилителей.

Замойски вышел в коридор. Он знал, что основное творится в тесном помещении, со стилизованно грубыми, мшистыми, влажными камнями, со средневековой тяжелой мебелью.

Замойски успокоился. Он теперь представлял ситуацию. И знал, что делать. И еще знал, что эти люди ошиблись по крупному.

Он нацепил на лицо наивную улыбку и шагнул в комнату.

Увидел то, что ожидал.

Рекс с виброудавкой склонился над телом Пена. Двое бандитов держали Пенелопу, руки которой были сцеплены эластонитями.

– Проснулся, – с некоторым удивлением произнес Рекс, бросая взгляд на Замойски. – А, уже все равно.

И Замойски наконец понял, что было в голосе Рекса, когда он разговаривал с Малюткой. В его голосе было обещание смерти...

Лишь к концу рабочего дня главный госпитальер Никита Федорович Сомов позволил себе немного расслабиться. Сколько же сил ему стоили последние годы. С какими невероятными трудностями удалось ему убедить местное правительство в необходимости открытия на планете госпиталя.

Человеческое общество на Ботсване постепенно деградировало, и это трудно было не заметить постороннему наблюдателю. С того памятного для всего человечества галактического года, когда началось переселение народов с Земли на другие планеты, прошло более двух столетий. Человечество четко разделилось на несколько частей. Так называемые «Планеты первой линии» – Московия, Аризона, Швиц, Коричневые миры и некоторые другие – далеко ушли по пути

прогресса, создали высокотехнологические общества с высоким уровнем жизни. Планеты второй линии, типа Ботсваны – там в лучшем случае обитатели топтались на месте, но, бывало, и постепенно утрачивали свои передовые позиции в области науки и техники, отступали шаг за шагом, с трудом порой удерживаясь на грани, за которой обвальным необратимый регресс. Им не под силу было удерживать высокотехнологические позиции. Навсегда, казалось, канувшие в Лету экономические, экологические проблемы давали знать о себе. Воскресали старые и забытые болезни, некоторые претерпели существенные изменения, приобретали более опасные формы. Появлялись и инопланетные бактерии, порой весьма жуткие.

Негритянское население, составлявшее основное большинство человеческой колонии на Ботсване, постепенно вымирало. Потому-то и добивался Сомов создания этого передвижного госпиталя-автомата, а в дальнейшем разворачивания здесь и в других подобных мирах сети подобных медучреждений, в которых место среднего и младшего медперсонала занимали расторопные и все умеющие биороботы. В таких госпиталях могло работать сравнительно небольшое количество врачей. Пока же их места занимали юные практиканты из космоакадемии, которых Сомов выбрал сам.

Больше всего опытному госпитальеру нравились Инга Борисова, изучавшая акушерство и гинекологию, и Виталий Стасенко, стажировавшийся по хирургии и регенерации

утраченных человеческих органов. Да и остальные слыли на факультете любимчиками преподавателя Сомова. Все, кроме Иллариона Бугрова, с которым Сомов постоянно ругался и спорил. При этом какое-то внутреннее чутье, собственная интуиция подсказывало ему, что из Иллариона может получиться в будущем классный специалист. Наверное, поэтому Сомов и включил его в состав «Первой медико-космической бригады», отправившейся на летний период стажироваться на Ботсвану.

Сидя в своем кабинете, Сомов включил СТ-визор и вызвал информблок последних известий. На противоположной от него стене возник голубой луч, превратившийся в развернутый экран.

– Поступили сообщения с мест, – заулыбалась в глубине экранного проема чернокожая губастая красотка. – Последние очаги сопротивления приверженцев сатанинской секты, именуемой «Храмом Ожидания», подавлены. Успешное наступление правительственных сил лишило повстанцев надежд на поддержку большинства населения в провинциях заселенной части планеты...

Прислушиваясь к тому, о чем вещала диктор, Сомов невольно покачал головой. Политическая жизнь Ботсваны была незамысловата. Здесь боролись за власть, ничуть не стесняясь в средствах, две общественные структуры, оформленные в виде госинститутов, политических партий. Фактически за ними стояли две различные идеологии, развившиеся изна-

начально из двух религий – Буду и «Храма Ожидания». Приверженцы древней религии Буду поклонялись темным силам зла, как поклонялись им многие поколения предков. Они как фиговым листом прикрывались привычными лозунгами о заветах предков, о грядущей эре процветания и не стеснялись обличать в мракобесии и злонамеренности своих оппонентов. Силы, объединенные «Храмом Ожидания», выглядели гораздо более пристойно. Власть их интересовала более в части самообороны от Буду. Атак они больше помышляли о высоких материях и с удовольствием вообще бы отделились от мирских проблем. Задолго до появления колонистов с Земли на Ботсване существовала высокоразвитая цивилизация, названная «цивилизацией приоров». Что они представляли из себя и куда исчезли, никто конкретно не знал. Многие полагали, что представители прежней суперцивилизации никуда не делись. Они просто ушли в один из сопредельных миров, о существовании которых уже три сотни лет твердят физики, и теперь внимательно следят за тем, что творится в их род-] ном мире. Приверженцы идеологии «Храма Ожидания» считали, что приоры обязательно вернуться и всенепременно призовут к ответу тех из нынешних обитателей Ботсваны, кто больше других причинил планете, вреда и несчастий. Эта незамысловатая идея, как и положено у негров, была обставлена множеством диковатых ритуалов и мистерий.

– Посмотрите и запомните лицо преступника, продолжала

между тем вещать дикторша по Ст-визору. – Всех, кто видел этого человека и может назвать его нынешнее местопребывание, ожидает награда в двадцать шесть тысяч ботсванских крон.

– Ага, – кивнул Сомов. – Зарплата за пятнадцать лет работы на приисках. Дороговато.

– Сообщите нам или в Министерство порядка об этом преступнике – и вы станете богаты. Недонесение о местонахождении преступника будет расценено как государственное преступление. Еще раз взгляните в это лицо, – закончила дикторша.

Сомову совершенно не обязательно было «вглядываться» в экран, он и так узнал того, чье изображение передавали в программе новостей. Это был Главный жрец «Храма Ожидания». Значит, плохи дела у сторонников этого движения, если их лидера объявляют государственным преступником, подумал госпитальер.

Мелькнул красный сигнал. Справа от Ст-проема возникло еще одно изображение – дежурного робота, следившего за безопасностью на периметре силового поля, окутывавшего госпиталь.

– У периметра человек, – коротко доложил робот с лицом-маской, на которой застыла восхитительная улыбка героя многочисленных компьютерных СТ-фильмов о космических похождениях командора Грубса, по которому с ума сходило целое поколение молодых киноманов на разных

планетах.

– Что с человеком? – осведомился госпитальер.

– Не могу определить точно. Мешают странные энергетические помехи. Информация не проходит... Выслан экипаж роботов-санитаров... Информация получена. Человек ранен. Организм отравлен. Требуется срочные мероприятия по дезинтоксикации организма и оперативное вмешательство.

– Покажи мне раненого! – потребовал Сомов и тут же удивленно присвистнул, увидев на экране лицо Главного жреца «Храма Ожидания» – государственного преступника! Тут же он, приняв решение, твердо сказал: – Срочно доставить раненого в приемный покой и оказать весь комплекс специализированной медпомощи!

Сделав распоряжения, Сомов нехотя встал со своего уютного кресла и, вздыхая, направился в приемный покой. Нет, ни теперь, ни в ближайшем будущем ему не видать полноценного отдыха, как своих ушей. А что, может быть лучше покоя, отрешения от каждодневной суеты, что заменит неторопливую спокойную работу ума, размышления, поиск новаторских решений в науке. А тут только позволишь себе чуть-чуть расслабиться, как сразу кто-то обязательно помешает...

В приемном покое его поджидали стажеры Стасенко и Краминов.

– Никита Федорович, у пациента в руке зажат какой-то странный предмет типа обычного булыжника, – проговорил

Стасенко, увидев Сомова. – Я хотел разжать его пальцы, но ничего не выходит. Похоже, этот камень можно отобрать у него только вместе с рукой.

– Ну и оставьте ему эту драгоценность, – отмахнулся Сомов. – Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не мешало работать... Давайте-ка, други мои, отправим пациента в диагностический комплекс!

Через некоторое время Сомов, глянув на результаты исследований, отразившиеся на экране контрольного монитора, удивленно воскликнул:

– Вы только посмотрите на это! Нет, такого просто: не может быть...

Краминов, глянув через плечо учителя на экран, изменился в лице.

– Подобного я еще не видывал, – сказал он. – Это же ходячий труп. Вы только заметьте, сколько в него яда накачали. Да еще какого!

– Но самое любопытное, этот яд сам разрушается прямо на глазах, – с придыханием проговорил Сомов. – Ну и ну! Организм самостоятельно без нашей помощи нейтрализует смертельную дозу... И все же прогноз для этого пациента скорее всего неутешительный. Pessimisme, сиречь безнадежно...

– Хотели тебя удавить в постели, – хмыкнул Большой Рекс. – Но тебе не все равно, как подохнуть, ублюдок?

Замойски прикинул расклад. Рекс, пятеро его приятелей. Виброудавка, автомат, три пистолета– два из них спрятаны в кобурах. Ну что ж, можно работать.

Малютка Пен был наверняка мертв. Старый гангстер был, конечно, законченным негодяем, готовым продать кого угодно. Но Замойски все-таки жалел его. Обаятельный, сильный, он не заслужил участи погибнуть от руки своего друга. И все-таки погиб.

Рекс презрительно ткнул носком ботинка голову Пена – и та покатила по камням пола. Виброудавка работала куда лучше тяжелого меча в древности.

Рекс кивнул. Проныра поднял ЭМ-автомат.

Гимнастика «Тучэй» позволяет играть со временем. Все стало будто замедляться. На миг Замойски расслабился. Превратился в легкий ветер. В невесомую снежинку, несущуюся над землей. Он стал будто прозрачным, невидимым. Он преисполнился вселенского спокойствия. Апотом взорвался действием.

Пули заколотили по камню, рикошетируя от него. Проныра так ничего и не понял. Куда делся этот шустрый парень, он смог додумать на том свете. Удар ребром подошвы ноги

перебил ему горло.

Второй бандит потянулся к кобуре. И смог перекинуться словечком о странностях всего с Проньрой – на том свете. Ребро ладони переломало шейные позвонки. Третий забыл о пистолете и рванулся вперед.

Он попытался ударить Замойски огромным кулаком. И кулак стукнулся о стену.

Три пальца впились в солнечное сплетение, а потом воткнулись под ухо. Еще один труп. Замойски работал как танк, ворвавшийся в стан врага и давящий всех гусеницами.

Неожиданно Пенелопа проявила прыть. Пятка ее ноги въехала по голени одного из громил, державших ее за руки, а затылок разнес губы второго. Громилы ослабили хватку, и Пенелопа ринулась вперед, упала на пол и закатилась за тяжелый сундук, отделанный бронзой.

Жеребец, державший Пенелопу, обладал хорошей реакцией. Он ушел в сторону и вырывал из-за пояса энергоразрядник. Им Замойски занялся в первую очередь. Боец, дерущийся с несколькими противниками, не должен оставаться на месте. Замойски рванулся в сторону, пригнулся, над его головой просвистела виброудавка, которой размахивал Рекс. С ним разберемся позже. Замойски четко просчитал не то что каждый шаг – каждый вздох. Он ощущал ткань боя – все было как на ладони.

Энергоразрядник в руке Жеребца. Замойски уже сблизился с ним, выгнулся. Бандит все-таки дожал пластинку раз-

рядника, но разряд ушел совсем не туда, впился в тело другого телохранителя. Замойски впечатал локоть в бок Жеребца. Там что-то хрустнуло. И этот бандит получил свой билет в рай.

Теперь остался один Большой Рекс. Он ошарашенно смотрел на трупы своих помощников, но при этом не забывал дико вращать жгут виброудавки.

– Ты, дерьмо, – прошептал он больше удивленно, чем зло. – Все равно убью.

– Давай, – кивнул Замойски. Он прикинул ситуацию. Разрядник так и остался у Жеребца – только теперь его сжимала мертвая рука. Можно попытаться дотянуться, но тогда Большой Рекс имеет шанс достать его удавкой. А Замойски сегодня никому никаких шансов предоставлять не собирался.

Большой Рекс с криком бросился вперед. Работал он виброудавкой очень сноровисто, быстро, умело. Видать, съел на этом деле собаку.

Жгут пропел, как тонкая струна. Он летал перед лицом Замойски, и тот уходил от него такими движениями, что того и гляди треснет позвоночник. Жгут коснулся волос.

«Пора», – решил Джон, нырнул вперед, проводил ладонью руку с виброудавкой, хлестнул по ней. Удавка упала на камни. Замойски схватил Рекса за шкурку и встряхнул, как нашкодившего кота.

– Ну...

– Сколько скажешь. Но не больше двухсот тысяч кредитов, –

поспешно произнес Рекс.

– Мразь.

Замойски отбросил от себя Рекса, и тот упал на пол.

– Дерьмо, – вскрикнул тот и неожиданно ухватил рукоятку ЭМ-пистолета, лежавшего на полу.

Он рассчитывал, что успеет. Только забыл, с кем имеет дело. Замойски никогда ничего не упускал. И знал, что воспользоваться этим пистолетом у Большого Рекса не будет ровным счетом никаких шансов. Все-таки Рекс решился. Его беда. Хрустнули шейные позвонки. Рекс отдал Богу душу.

– Дорогой, тебе не кажется, что мы остались одни? – слышался женский голос.

Пенелопа выбралась из-за сундука и уселась на корточки.

– В смысле?

– Рекс разделался с Малюткой Пенем и с девушками, которые могли явиться свидетелями. Разделался бы и с тобой, и твоей головой играли бы в гольф. Ты разделался с Большим Рексом и его подручными. Счеты уравнились. Мы вдвоем.

– Почему Рекс убил Пена?

– Старые счеты. Пен держал его в ежовых рукавицах. Рексу это надоело. Гангстеры...

– Что дальше делать?

– Нужно уходить отсюда как можно быстрее.

– Что они хотели от тебя?

– Когда имеешь своей профессией шантаж, нужно быть готовой к подобным неприятностям.

– Шантаж?

– Ну, конечно... Просто я всегда умела вовремя остановиться и сказать до свидания. Сегодня мое чутье подвело меня. Спасибо за подарок.

– Какой подарок?

– Жизнь... Вскоре сюда наедут дружки Рекса. Потом подкатят приятели Малышки Пена, И здесь будет; настоящая война.

– Ну?

– Что ну? У меня глайдер. Улетаем. Если тебе негде жить, поживешь пару дней у меня.

– Договорились.

– Тогда нечего ждать... Поехали.

Динозавр предполагал, что дорога к пещере Черного шамана будет нелегкой, но она даже превзошла его ожидания.

Командир спецподразделения «Ястребов» и вся его команда отправились в путь на рассвете, когда последняя из трех лун спряталась за самой высокой горой в горной цепи на западе и первые лучи дневной звезды, восходившей прямо из океанских далей на востоке, превратили черный небосвод в фиолетово-красный. Их было четырнадцать – сам Динозавр, двенадцать космодесантников и проводник, в роли которо-

го согласился выступить за упаковку «метабласта» – самого мощного галлюциногенного наркотика – доходяга-мулат из небольшой провинциальной колонии. Правда, сперва даже «метабласт» не мог соблазнить этого человека. Черного шамана он боялся куда больше, чем Динозавра, его команду, а также всю Аризону вместе взятую. Боялся даже больше смерти. Подавитель воли, порция препарата «пластилин», действительно делавшего из человека податливый материал, сотворили свое дело. У обитателей Ботсваны мозги были подвержены обработке куда лучше, чему жителей цивилизованных планет.

– Поведу, – согласился мулат, обводя Динозавра и его помощников мутным взглядом. – Пешком.

– Ты что, мартышка? – прорычал Динозавр. – У нас есть глайдер.

– Летающая птица – нельзя. Я не найду. Пешком.

– Далеко идти?

– День. Два дня.

Шли они уже трое суток. Они забрались в непроходимые джунгли. Самое беззаботное настроение было у проводника. Он просто шел и шел вперед, на все вопросы отвечая: «Скоро».

Динозавру это начинало сильно надоедать. Он склонялся к мнению, что у мулата от «метабласта» и «пластилина» просто выгорели все мозги и он идет куда глаза глядят.

Утром четвертого дня Динозавр по пояс провалился в на-

полненную жидкой грязью яму.

– Вот сволочь, – воскликнул он и хотел было потребовать, чтобы ему кинули веревку, но тут рядом возникла оскаленная пасть размером с чемодан. Динозавр различил, что острые зубы в ней шли в два ряда. Пасть принадлежала существу, высунувшемуся из соседней ямы-норы, также прикрытой от глаз яркой зеленой ряской и порослью, абсолютно не отличавшейся от растений на твердой почве.

Рефлексы не подвели. Плазменный кубик, прикрепленный к руке, влетел в зубастую пасть. Потом – вспышка. Чудовище рухнуло в яму. Теперь оно уже никого не потревожит.

– Держите, сэр, – крикнул спецназовец, бросая Динозавру эластотрос.

Динозавр выбрался из ямы, вытер испачканное лицо и кивнул спокойно:

– Ну все, маргышка – Взвел ЭМ-пистолет и направил его в лоб проводнику: – Молись своему черному богу.

Обычно мутные глаза проводника немного просветлели. Лицо исказила маска испуга.

– Мы пришли, господин. Вон те горы... Вон... Не убивайте.

– Ладно, три часа тебе, черномазая скотина. Опять вперед. Шаг за шагом.

– Сэр, у нас неприятности, – произнес техник группы сержант Бойл.

– Что случилось?

– Барахлит радиоаппаратура. Нет связи с резидентурой.

– Радиосвязи?

– Не только. Даже эфирные маячки не работают. Мы не сможем вызвать глайдер для эвакуации.

– Как такое возможно?

– Аномальная зона. Такие случаи известны на некоторых планетах.

– Плохо... Ладно, где наша не пропадала, как говорят московитяне. Вперед.

Снова – шаг за шагом. Боец «Ястреба» должен уметь не только пользоваться гравиплатформами, системами десантирования, в совершенстве владеть всеми видами оружия и рукопашного боя, тактикой нейтрализации защитных систем противника и проникновения на особо охраняемые объекты. Космодесантника, как и волка, кормят ноги. Он должен идти без усталости, день за днем, чтобы однажды тихо, кошкой, скользнуть к цели. Техника – это только костыли. Главная сила в самом человеке, в его навыках, мощи и умении.

– Мы пришли! – заявил проводник, как и обещал, через три часа.

– Ага, – Динозавр погладил рукоятку пистолета. – Что ты мелешь?

В этом месте джунгли подходили к гряде Зумбу – самым суровым горам. Возвышались острые скалистые вершины. Вдалеке гигантским куском сахара белел Орлиный Клюв –

восьмитысячник, один из самых высоких пиков планеты. До него, казалось, рукой подать, но на самом деле это расстояние – восемьдесят километров. Скрюченные деревья приютились на крутых склонах. Резко вверх забирала гранитная стена.

– Он живет здесь. Но он пускает к себе только тех, кого хочет.

Если мулат не врет и Черный шаман здесь, то в этих скалистых краях его можно искать сто лет.

– Ты обещал доставить нас к нему. Где он?

– Он скажет... Прости меня, Черный шаман, – мулат упал на траву и ударил лбом о землю два раза.

– Вот тварь, – Динозавр пнул его ботинком, прикидывая, насколько можно верить проводнику.

В принципе, верить ему можно. Динозавр знал, что мулату известен путь. И что после промывки мозгов мулат будет выполнять свою работу честно.

Значит, Черный шаман действительно где-то здесь. Но как его искать?

Но их самих нашли.

Динозавр замычал от резкой боли в висках. Он покачнулся, но удержался на ногах.

«Что нужно тебе?» – голос отдавался в голове пульсацией боли.

– Мне нужен Черный шаман! – крикнул Динозавр.

Бойцы удивленно посмотрели на командира, кричащего в

пустоту. И голос у него был надрывистый, хриплый.

– Сэр, – произнес капрал Винт, но Динозавр только отмахнулся.

– Я пришел к тебе! – крикнул Динозавр.

Боль запульсировала сильнее. Динозавр не верил в выводы экспертов исследовательского центра ЦРУ о наличии психотронных способностей у Черного шамана уровня двухсот единиц. Динозавр вообще не особенно верил психотронщикам, поскольку результаты их исследований, исходные предпосылки, выводы – все это носило слишком туманный характер. Парасихологические явления – телепатия, суггестия, телекинез, даже телепортация и ясновидение – существуют, но за свою историю человечество слишком мало узнало о их сущности. Поэтому когда психотронщики начали измерять нечто неизмеримое в каких-то единицах, Динозавра, имевшего несколько степеней по разным научным дисциплинам, это только смешило. Но сейчас, когда чужой голос звучал в его голове и виски все сильнее стискивало невидимым обручем, ему как-то вдруг поверилось в эти самые двести единиц.

«Зачем тебе Черный шаман?» – отдалось болью в голове.

– У меня предложение. Я имею что предложить.

«Ты пришел без спроса».

– Это моя работа. Я представляю правительство величайшей человеческой цивилизации-Аризоны. Я говорю от имени ее Властителей.

«Они не мои властители. Но сила уважает силу. Ты прой-
дешь один. Оставив своих псов у порога».

– Согласен.

«Закрой глаза. Ты ощущаешь мою руку?»

– Да.

Действительно, Динозавру показалось, что его руку сжала чья-то рука.

«Я поведу тебя. Закрой глаза. Не пытайся их открыть – потеряешь зрение. Вперед, гость».

– На месте, – прикрикнул Динозавр своим бойцам. – Если я не появлюсь через три часа, достаньте его...

«Ястребы» с удивлением смотрели, как их шеф карабкается в гору по едва заметной тропинке.

Веки у Динозавра отяжелели. Он не мог открыть глаза. Точнее, при желании смог бы, но тогда контакт был бы потерян. И задание провалено. Ему во что бы то ни стало надо было встретиться с Черным шаманом.

Он ощущал под ногами камни, чувствовал прохладное дуновение, которое бывает, когда стоишь перед входом в пещеру. Потом до ушей донесся шум падающей воды. Левая рука ощутила скользкую стену, Пещера – точно.

Длился странный поход полчаса.

– Ты пришел! – послышался голос.

Давление пропало. Голова стало ясней – Динозавр открыл глаза. Он стоял в огромном зале, освещенном неверным светом от нескольких сильно чадивших факелов, разбрасывав-

ших вокруг себя снопы искр. Неприятно поразили те, кто держал эти факелы – это были скелеты. Они застыли в подобострастных позах, склонив безглазые черепа перед могуществом того, кто возлежал на белом троне, выточенном из человеческих костей.

«СТ-страшилки», – усмехнулся про себя Динозавр. Нечто подобное он и ожидал увидеть.

– Немногие удостоиваются чести быть принятыми здесь, – произнесло ожиревшее до невозможности чернокожее существо, чьей одеждой являлась шапочка из оскаленного черепа неизвестной земноводной твари и пятнистая шкура огромной дикой кошки, прикрывавшая его чресла.

– Я благодарен тебе, Властитель Ботсваны, – произнес Динозавр, не лишенный дипломатического такта.

– Сюда приходят слуги. И те, кто несут дар.

– Дар?

– Свою кровь.

– Кровь, – кивнул Динозавр, наслышанный о фокусах последователей Буду и в глубине души считавший эти рассказы больше легендами.

– Кровь. Концентрация жизненной силы, – просипел Черный шаман. – Кровь дает мне Знание. Кровь дает мне Виденье. Благодаря ей я держу в руках хлыст, которым управляю стадом своим.

– Да, – кивнул Динозавр. – Власть везде во Вселенной оплачена кровью.

– Я вижу, тебя, пришелец с другой планеты, привела сюда страсть. Большая страсть. Но ты не хозяин. Ты слуга сильных.

– Это не мешает мне самому быть сильным.

– Иные планеты... Изнеженность. Разврат. Слабость Разрушение устоев. Пренебрежение к огню и крови... У инопланетников холодная кровь, не так ли, мой гость?

– Зато есть горячие копья.

– А, – махнул рукой Черный шаман. – Энергоразрядники. ЭМ-оружие. Плазмопокрывала, – он продемонстрировал знакомство с внешним миром.

Эти технические термины дисгармонировали с окружающей обстановкой и звучали инородными в устах этого человека.

Значит, тут аналитики ЦРУ ошибись, составляя портрет Черного шамана и представляя его каким-то первобытным монстром, обладающим паравозможностями и в невежестве своем принципиально не желающим ничего знать о том, что происходит за пределами Ботсваны, ненавидящим технику и считающим ее воплощением недоброжелательных стихий. Но что бы там ни напридумывали аналитики, именно сюда, в эту пещеру, сходятся нити, за которые дергают, двигая марионетками на Ботсване.

– Что нужно твоим хозяевам, инопланетник?

– Священный камень, который хранится у Главного жреца «Храма Ожидания», – сказал Динозавр, глянув прямо в

глаза шамана. – Хаабад.

– Что? – Черный шаман забулькал, и грудa жира затряслась, Динозавр понял, что он смеется. – Всего навсего Хаабад? Стоило ли покрыть такое расстояние?.. А почему бы мне самому не воспользоваться священным камнем?

– Потому что ты не сможешь им воспользоваться. Он не для тебя.

– Да, ты знаком с преданиями. Черный шаман не может воспользоваться священным камнем «Храма Ожидания»... Но я попробую.

– Мы поможем тебе. Да, ты можешь много. Но сила нашей техники побoле будет твоей Силы.

– Боевые глайдеры? Биокomпьютеры? Роботы? Так?

– И кое-что другое.

– Мои соотечественники глупы. Мы владели когда-то подобными вещами. Теперь мы забываем даже, как ими пользоваться.

– С помощью техники мы сможем найти камень. Д с твоей помощью разобраться в нем. Но камень для тебя не самое важное.

– Верно. Больше я хочу получить кровь нынешнего владельца камня. Мы можем договориться.

– Так за чем дело стало?

– Мне нужно время, чтобы подумать... Жди, я скажу тебе свое решение.

– Когда?

– Может, завтра... Может, послезавтра. Тебе не впервой коротать дни под открытым небом, инопланетник.

– Не в первой.

Черный шаман потянулся к чаше. Сделал глубокий глоток.

– Иди. Закрой глаза и иди, – сказал он.

Тьма выплеснулась из его глаз, и Динозавр решил не сопротивляться.

Через полчаса он вышел к своей группе и открыл глаза.

– Ну? – спросил он сержанта Бойла.

– Маячок замолк. Мы не смогли обнаружить сигнал.

– А «глаз»?

– Тоже.

Бойл склонился над экраном.

– Идут помехи. Ничего невозможно сделать.

– Помехи постоянные?

– Да... Впрочем...

Через сорок минут Бойл совершил то, на что не надеялся.

Он зафиксировал электромагнитный сигнал «глаза».

– Есть контакт, сэр, – сказал Бойл.

– Уже кое-что, – Динозавр уставился на экран. Из глубины СТ-экрана выступили очертания пещеры.

Дом Пенелопы насчитывал всего восемь комнат, ангар, в котором располагались «пузырь» и скоростной глайдер «Перо». В этой зоне города царила более-менее спокойная жизнь, кишели копробы, «плоскуны» выбирали себе другие

места для забав. Здесь жил средний класс – клерки, служащие компании, те, кто в сумасшедствии Нью-Тауна еще что-то делал, ходил на работу, из жадности или честолюбия зарабатывал деньги, а не существовал на социальные пособия. Планка доходов проживающих здесь была достаточно высокая.

Дом отличался простой архитектурой с тягой к ретростилю – башенки, островерхая крыша, ни одной стереопроекции. Он выдавал несколько старомодные вкусы хозяйки, которые на фоне всеобщего сумасбродства выглядели более чем достойно.

– Живи сколько хочешь, – Пенелопа погладила Замойски пальцем по подбородку, как гладят домашнего кота, и упала на возлужоструйный диван, представлявший из себя сложные вихревые воздушные потоки, на которых колыхался прозрачный пластик.

– Я не буду долго злоупотреблять твоим гостеприимством.

– Гостеприимством? – Пенелопа похлопала по пластику рядом с собой, и Замойски упал на ложе и впился губами в ее обнаженное бедро. Пенелопа задышала чаще, но потом оттолкнула его голову. – Не сейчас, зверь мой... Позже. У нас еще будет время.

Она поднялась с дивана и приказала:

– Костюм синий – «офис».

Щелкнули дверцы встроенного в стену шкафа. В воздухе

завис костюм.

– Мне нужно сделать несколько официальных визитов. Думаю, управлюсь за три часа. И остальной день будет наш.

Она надела строгий официальный костюм, который по последней моде оставлял обнаженной фантастически привлекательную грудь.

– Не скучай... Если хочешь, в ванном комплексе есть сенсормодуляторы... Но не думаю, что они понадобятся. Лучше думай обо мне. Я сделаю то, что не по силам ни одному нейростиму.

Она прижала его руку к своей обнаженной груди, провела пальцами по телу Замойски, так что у того сердце тут же замолотило пулеметом, прошептала «до скорого» и шагнула на лифтовую платформу.

– Я активизировала системы безопасности. Никто сюда не сунется. Отдыхай спокойно.

Платформа ухнула вниз, доставляя хозяйку дома в ангар. А Замойски вытянулся на диване. Теперь он мог спокойно собраться с мыслями и чувствами.

Он подошел к зеркалу, посмотрел на себя. Измененное «Дракулой» лицо продолжало держаться. Правильно, это не какой-то там грим, который размывается от дождя.

«Индикатор слезки» показывал два нуля восемь. То есть – возможно, слезка есть, а возможно, и нет. Ближе все-таки «нет», чем «да»... Ладно, машина она и есть машина. А что за ситуация на самом деле? Что подсказывает интуиция чет-

вертого посвященного гимнастики «Тучэй»? А подсказывает она... Ничего она не подсказывает.

А логика? Могла ситуация сложиться именно так, как ее интерпретирует Пенелопа? В принципе, могла

Получается, что он действительно в доме прекрасной секс-бомбы, подрабатывающей шантажом, которой нравятся его мужские возможности и которая не прочь поразвлечься с ним несколько деньков? Хорошо, если так. Но есть и другие варианты. Хотя бы – заподозрила в нем что-то неладное и решила пополнить список «клиентов» – тех, кто подвергается шантажу? Тоже не так плохо. Тогда максимум, чем рискуешь – деньгами, а они несущественны.

Но есть и третий вариант – самый худший. А Замойски знал на собственном опыте – начинать работу надо или с наиболее вероятных вариантов, или с худших.

Замойски не раз спасало моделирование ситуации. Старый как мир способ – выдвигаешь версию. Потом прикидываешь, что изменилось бы в окружающем мире, если бы события развивались именно так. Если такие факты находятся, значит, версия подтверждается.

Ну, начали.

Замойски подошел к домовому компу и вытащил пластинку проникателя.

– Система перешла на режим накладок, – сообщил комп. Отлично. Недостаток большинства контрольных систем, использующихся в оперативной деятельности, – их зависи-

мость от компьютерных систем. На Аризоне считается, что даже домашние компсистемы достаточно защищены от манипулирования. Но они не знали о существовании проникающего, этой штуковины, стоящей поболее прогулочной космической яхты.

– Наличие установленных в доме систем, – потребовал Замайски.

Комп начал послушно выполнять приказания, перечисляя многочисленные устройства.

– Не то, – прошептал Замайски. – Их частотные характеристики.

Поползли цифры. До боли в глазах Замайски всматривался в них. Вот оно! Самая худшая версия подтверждалась! Дом под контролем.

В режиме накладок проникающий нейтрализовал следящую аппаратуру. Звуки и картинка продолжали поступать на мониторы наблюдателей, но не реальные, а поддельные, смонтированные домовым компом по подсказке проникающего.

Теперь нельзя медлить ни минуты. Те, кто сейчас следят за мониторами фиксаторов, могут почуять неладное.

Проникающий запустил новую порцию информации в домовую комп. Теперь можно уходить.

Замайски встал на лифтовую платформу. Она ухнула по спирали вниз. Замерла в ангаре.

На «пузыре» улетела Пенелопа. Оставался скоростной

глайдер. Подойдет...

Замойски подключил проникатель к компу глайдера. Контакт налажен. Джон упал на мягкое сиденье.

– Ворота открыть, – приказал он.

Створки ворот поползли неслышно в сторону, впуская лучи светила, разбивавшегося над районом на четыре солнца. Замойски тронул машину, и она скользнула к выходу.

– Ну же.

Самый опасный участок – при выходе из ангара. Лишь бы они не успели просечь, что их водят за нос.

Ворота распахнулись достаточно широко. Замерли. И начали закрываться.

Они все поняли! И взяли компьютер дома под контроль.

На пол начала падать причудливая тень. Ворота закрыли одно солнце, потом второе.

– Спаси Господи, – прошептал Замойски и рванул глайдер вперед.

В бок ударила створка ворот. По пластику пошли трещины. Еще один удар с другого бока...

Глайдер вырвался из ангара и завис в полукилометре над Нью-Тауном – как раз на такой высоте находилась платформа, на которой пристроился этот городской район.

Блеснула молния. Интуитивно Замойски двинул глайдер в сторону, и заряд бортового разрядника прошел мимо. Еще один разряд мимо. Третий угодил в хвост, но глайдер уже пролетел вниз те пятьсот метров и теперь скользил над

безумными и необжитыми нагромождениями строений Гарлема.

Глайдер устремился мимо транспортных сетей и городских строений. К нему прилипли два полицейских флайера – никак не сбросишь.

Опять машину тряхнуло. Еще один удар по кабине. В кабине сразу стало жарко. Дохнуло сверху сквозняком. Разряд снес пластик, и в крыше зияла дыра.

Глайдер обогнул гигантскую улитку и нырнул под транспортную развязку гравиугольников...

Замойски надо было что-то решать. Сейчас его прижмут с другой стороны полицейские флайеры.

Глайдер резко завис в нескольких метрах от земли.

Тут по нему и ударили с двух точек орудия флайеров. Плазменные разряды плавил металл, и он капал на землю, перемалывая пластические и керамические конструкции. Когда изничтоженная машина достигла поверхности, можно было быть уверенным, что внутри не осталось в живых никого.

Вскоре к месту катастрофы слетелись полицейские и аварийные машины. Энергетическая установка глайдера чудом еще работала, поэтому ремонтный транспортер накрыл ее силовым колпаком. Вскоре силовую установку загасили. Плазменные резаки начали отчленять деталь за деталью, пока не добрались до кабины.

– Его здесь нет, – сказал начальник линейного отдела

ФБР.

– Как?! – удивленно воскликнула Пенелопа, стоявшая рядом с ним. – Куда же он делся?

– Пенелопа, это все ваша глупая самодеятельность.

Операцию вы провели бездарно. Рапорт ляжет на стол начальника бюро сегодня же!

– И на меня спишут все ваши недостатки! Погибшего агента врага при задержании в «Диком Западе», провале блокированием. Отлично!

– Отлично... Резидент Московии достал какую-то сверхсекретную информацию, и мы не знаем какую. Он попал к нам в лапы, но ушел... Я свое получу, уверен. Ноивы, Пенелопа, можете мечтать лишь о должности офицера режима на производственной планете Министерства Обороны.

– Ну что же. Это будет большая глупость со стороны руководства, – презрительно процедила Пенелопа. – Вы, штабные чернильницы, никогда не умели ценить истинных профессионалов.

Она с ненавистью посмотрела на оплавленный глайдер и направилась к своему «пузырю».

Пока новенький «мобиль» Сомова, ведомый кибер-водителем, пробирался по ухабам и рытвинам проселочной доро-

ги – единственной связующей нити между небольшим негритянским поселком, где располагался госпиталь, и столицей Ботсваны городом Аба-Ду, сам Никита Федорович, коротая время в пути, продолжал наговаривать материал для заказанных ему инфасетью воспоминаний.

"Мне небезынтересно, господа пользователи, услышать ваше мнение о поставленной проблеме. Ее смысл, напомним, в том, стоит ли продолжать плодить на планетах типа Ботсваны число больных, а затем лечить их? Не лучше ли, изучив генетический код каждого будущего новорожденного, предотвратить появление на свет больных или, по крайней мере, их ограничить?"

К примеру, на Ботсване в среднем из ста новорожденных детей десять имеют очевидные или легко распознаваемые пороки развития в жизненно важных внутренних органах. Многие нежизнеспособны и погибают до, во время или сразу после рождения. Это трагедия. Но не большая ли трагедия ожидает тех, кто выживает, но при этом остаются тяжелыми инвалидами, парализованными и умственно отсталыми?

Да, на нашей планете, на Московии, давно решена эта проблема в пользу здорового потомства. Но следует ли нам со своими мерками подходить к жизни других народов, населяющих миры обозримой Вселенной?.."

Сомов глянул в окно и увидел, что его «мобиль» выехал наконец на более-менее приличную трассу, по которой в разные стороны передвигались, неимоверно чадая и пыхтя

выхлопными трубами, допотопные машины с двигателями внутреннего сгорания. Главный госпитальер уже по привычке к этим безобразным уродцам, владевшим еще старой Землей более сотни лет.

Вполне возможно, что деградация очень скоро окончательно низведет цивилизацию на этой планете до первобытно-общинного строя, подумал он. А ведь каких-нибудь двести лет назад негры, живущие здесь, летали в космос, пользовались благами развитых в техническом отношении миров. Но увы и ах! Кто-то устремлен в своем развитии вперед, а кто-то смотрит назад. На Ботсване, предоставленной самой себе, забыли дорогу к звездам. Ее цивилизация скатилась до технического уровня двадцатого столетия, а некоторые люди вообще предпочли вернуться в пещеры.

«Мобиль» Сомова с виду ничем не отличался от какого-нибудь устаревшего «форда», но работал на совершенно иных энергоносителях, не загрязнявших токсическими выбросами внешнюю среду. Он пронесся по пустынным улицам Аба-Ду, что само по себе было удивительным, ведь обычно жизнь во всех ее проявлениях бурлила на этих улицах в любое время дня и ночи, и остановился у электронного КПП с древними железными воротами, ведущими к двухэтажному зданию, в котором обосновалась дипломатическая миссия Московии.

Сомов бывал в миссии по делам службы довольно часто. Вход в коридор будто был прикрыт «мыльным пузырем», на

котором играла радуга. Проходя через него, Сомов почувствовал легкий треск. «Мыльный пузырь» представлял собой первую линию микробиологической защиты. Вторая линия – невидимый барьер, при его пересечении тело будто обдавало холодом. После третьей линии можно было считать себя стерильным. Одновременно одежда была вычищена невидимыми струями ионизированного воздуха. Сомов не видел в этих предосторожностях никакого толка – иммунопрофилактические меры, принимаемые перед полетом на миры второй линии, делали для людей не такими уж и страшными эти микробы. Но существовало психологическое отторжение человеком с планет первой линии грязи, вони, антисанитарии. Так что защитбарьеры были больше данью брезгливости работников посольства, и главный госпитальер не мог их винить.

Робот– «домовой» преподнес госпитальеру хрустальный бокал с охлажденным безалкогольным коктейлем из сока местных плодов, прекрасно утоляющим жажду.

– Спасибо, – сказал Сомов.

Он был человеком от природы вежливым, и вежливость его распространялась даже на бездушные автоматы.

Вопросы, связанные с развертыванием новых госпиталей на Ботсване, пока не решались, и одно это лишило Сомова хорошего настроения. Столь неприятное известие сообщил ему третий секретарь посольства Владимир Иванович Дубровенко – высокий худой человек, который делал все воз-

можно, чтобы наладить культурные связи с правительством Ботсваны, но, к сожалению, пока еще ему немного удавалось из-за зыбкости положения самой верховной власти на планете. Здесь часто происходили государственные перевороты. Сменяющие друг друга в бесконечном калейдоскопе диктаторы из армейских сержантов с манией величия, племенные вожди, национал-экстремистские группы редко держались более года и заканчивали чаще виселицей, тюрьмой или изгнанием.

– Давно хочу познакомиться с настоящими властителями Ботсваны, – часто жаловался посол Дубровенко Никите Федоровичу, когда они оставались один на один. – Только вот где их искать? То ли на далеких островах в океане, то ли в самой чаще джунглей, то ли в подземных пещерах...

Да, кто-то невидимый управлял здесь всей государственной машиной, по своей воле меняя отдельные ее детали.

Но кое-какую приятную информацию Сомов все же получил. Она касалась того, что вскоре с Московии должен был прибыть звездолет, который доставит на Ботсвану пятерых опытных медиков на смену студентам-практикантам из академии, чья практика уже подходила к концу.

И еще одна встреча в тот день состоялась у Сомова, которую он вполне мог бы отнести к разряду неожиданных. Выходя из здания миссии, он нос к носу столкнулся с другом далекой юности Серегой Филатовым, с которым когда-то вместе обучался на «Лысой горе».

– Никита? Сомов? – окликнул госпитальера человек примерно одного с ним возраста.

– Мы знакомы? – недоуменно пожал плечами госпитальер.

– А ты посмотри получше. Неужели я так сильно изменился? – заулыбался невзрачный мужчина средних лет.

Если бы не было этой улыбки до самых ушей, Никита Федорович никогда бы не признал Серегу. А тут он заулыбался в ответ и обнял старинного приятеля за плечи.

– Вот теперь узнал! Но ты действительно изменился.

– Косметформирование. Лица меняются по нашим желаниям. Не меняются только глаза...

– Ты как очутился на Ботсване, а? Давай, рассказывай...

– Нет, Никита, не здесь, – проговорил Филатов, – пойдём лучше посидим в консульском баре. Вспрыснем нашу встречу.

– Сколько же мы с тобой не виделись, чертушка? – никак не мог успокоиться Сомов, похлопав по плечу старого друга одной. Он взял со столика стаканчик с коктейлем «Черная незабудка». – Наверное, лет сто...

– Никак не меньше, – Филатов взял бокал сока синего апельсина.

– Не думал тебя здесь встретить. Небось все по раскопкам разъезжаешь. Знатный археонавт Филатов. Помню лет пятнадцать назад о твоих находках на планете Интейра, что в созвездии Гончих Псов, вся информсеть Галактики гуде-

ла. Еще бы! Серега Филатов отыскал следы давно сгинувшей цивилизации. Замки, дворцы и все такое прочее. И где? На абсолютно мертвой планете!

– Интейра далеко не всегда была мертвой, – улыбнулся воспоминаниям Филатов. – Многие геологические эпохи тому назад условия там были гораздо более приемлемыми для жизни, чем сейчас. Атмосфера достаточно плотная, имелась вода в жидком состоянии. Достаточно богатая флора и фауна. Есть предположение, что та цивилизация развилась до уровня полетов в космос и, может быть, даже полетов межзвездных. Но Интейра постепенно лишалась атмосферы. Одна из версий причин – излишняя техногенная активность интерианцев.

– И гипотетическим интерианцам пришлось сменить место жительства? – улыбнулся Сомов, желая проверить, остался ли по-прежнему его друг таким же горячим мечтателем, каким был прежде.

– Началось «великое переселение народов». Часть интерианцев осели на третьей планете в системе звезды Бронксвелла, где к тому времени существовала жизнь, но не было разума. Оторванные от благ цивилизации, от энергетических станций, компьютеров, заводов-автоматов колонизаторы должны были бороться за выживание. На протяжении нескольких поколений они еще пытались сохранить свои знания, передавая их детям и внукам. Но без практических навыков уже в третьем поколении все эти знания выродились

во что-то вроде религиозного культа. Типичный тотальный регресс.

– Откуда информация? Третья планета Звезды Бронксвелла... Ты что, и там сумел побывать?

– Пришлось. Так что за слова свои я отвечаю.

– И какими же стали всемогущие интерианцы?

– Они просто вымерли все до одного. Опустились до пещер и вымерли.

– Нечто похожее, по моим наблюдениям, происходит с ботсванцами, – заметил Сомов, прищелкнув пальцами.

– Подожди, это еще не все. Ты забыл про вторую половину населения Интейры. Они, как мне кажется, оказались более удачливыми. Возможно, они нашли другую, более подходящую планету у другой звезды, может, основали где-то подземную колонию с искусственным климатом на одном из спутников планет-гигантов. Каким-то образом они смогли восстановить утраченную технику, но на некоем принципиально ином уровне...

Видя, что рассказу о судьбе интерианцев не будет конца, Сомов постарался перевести разговор на другую тему:

– А потом куда ты запропал? Я справки наводил в твоей экспедиции. Ответили, что ты в длительной командировке на далеких мирах...

– Было и такое... – кивнул Филатов, подумав о том, что, как ни жаль, а только никогда он не сможет раскрыть другу всей правды о том, где и как провел пятнадцать лет жизни.

ни, сколько сил потратил на то, чтобы стать тем, кем стал. А жаль, ведь профессиональный археонавт никуда не ушел из него. Вот только обстоятельства заставили изменить любимой работе и взяться за другую.

Еще совсем недавно он бы просто не отозвался на свое собственное имя, поскольку носил другое имя. Уйти от наблюдения. Провести вербовку. Организовать спецакцию. Чего только не было, где только не пришлось побывать. Глубокое внедрение в Коричневых мирах седьмого Рейха. Потом своеобразный отдых на Швице. Год, показавшийся адом, в «Излюбленных планетах Аллаха». Год за годом в ожидании ареста или удара разрядника. Азарт игры, сладкая горечь, пьянящий дурман риска, ни с чем не сравнимое удовлетворение от успешно завершеного дела. Очередной удачный ход в бесконечной шахматной партии, доской для которой стала Галактика. С годами острота ощущений притупилась. Он просто выполнял свою работу. Он боролся за свою Родину.

Несколько дней назад Сергей Филатов был Джоном Замойски, резидентом самого секретного управления Министерства Внешней Информации Московии – управления "Н" (нелегалов). Еще стоял в ушах скрежет разламывающегося под ударами фэбээровских машин глайдера, било по глазам безумное пламя. Очередной раунд в играх со смертью. Ночами Филатов просыпался и вспоминал. Он вываливается из взрывающегося глайдера и попадает в изломан-

ную городскую структуру, очень удачно сооруженную за полчаса до этого дежурным архитектором Гарлема. Несется по улицам, перепрыгивая через движущиеся ленты. Видит в гигантской оптической линзе на другом конце города, что происходит в Гарлеме – ремонтные машины разбирают превратившийся в отвратные спекшиеся обломки глайдер. Когда агенты ФБР поняли, что резидент выжил, они уже опоздали.

Дальше было делом техники. Замойски узнал из бегущей информволны "частных «Новостей», что аварийный контейнер для него заложен. Вскоре разложил оставленную аппаратуру. Там было нечто похлеще пластического комплекса «Дракула». В оперативной спецтехнике Московия традиционно обгоняла Аризону. Косметическое формирование внешности. Вскоре вместо Замойски предстал другой человек – Синклер Блад. Настоящий Синклер Блад удивился бы, увидев на улице себя. Но по многим обстоятельствам ему сейчас было не до того, чтобы шататься по улицам. Те, кто готовил Филатову отход, продумывали все и действовали чрезвычайно эффективно.

Детекторы личности в космопорту Нью-Тауна не сомневались, что перед ними именно Синклер Бладрадужка глаза, отпечатки пальцев, параметры голоса – все говорило об этом. И ничто не говорило о том, что перед ними Замойски, разыскиваемый особо опасный преступник. Электроника и пластическая косметология Московии одержала верх.

Контактер на нейтральной планете Швиц обрадовал на-

строившегося на отдых Филатова новостью:

«Отдых отменяется. Придется вам вспомнить свою старую профессию археонавта. На Ботсване вас ждет профессор Кондратьев и его экспедиция. Кстати, экспедиция вполне официальная и легальная. Работая в ней, вы сможете „откопать“ для нас много интересного. Вы имеете право отказаться...» Право Филатов имел. Но отказаться не мог. Пришлось ему дорабатывать добытую им же информацию.

Встреча с Сомовым для Филатова не стала неожиданностью. Еще во время межзвездного перелета он тщательно изучил обстановку на Ботсване, разузнал всю подноготную о персонале дипломатической миссии с Московии и, конечно же, наткнулся на фотографию Никиты Сомова, которого тоже признал не сразу. Неужели Никитка-меченосец? Меченосцем его прозвали ребята на «Лысой горе».

– Ты помнишь Аристарха Владиславовича Плещеева? – спросил Филатов, выходя из задумчивости.

– Еще бы! – воскликнул Сомов. – Если бы не он, не знаю, избрал бы я профессию медика или нет.

– Ну, положим, ты избрал эту профессию еще задолго до встречи с Плещеевым.

– Так-то оно так, – согласился Сомов, но тут же добавил: – После знакомства с ним и того самого случая, когда мы «слушали космос», я совсем было решил забросить свои штудии по анатомии и физиологии людей и псевдогуманоидов.

– Да, насколько помню, ты тогда собирался посвятить

жизнь изучению феномена «космического шепота».

– Точно! Это произошло, когда Плещеев организовал для нас экскурсию в ближний космос на звездолете «Долгонос».

– И что? Ты на самом деле услышал «космический шепот»? – недоверчиво усмехнулся Филатов.

– Представь себе. Это случилось, когда я оказался в святой святых – рубке звездолета «Долгонос».., Это непередаваемо. Кто-то будто пробивается в твою голову. Пытается донести что-то до тебя. А может, взять под контроль. Или что-то сообщить. Обрывки картин невероятных миров. Непостижимые чувства. Не укладываемые в сознании образы... Мне кажется, идет какой-то информпоток. Амазонка информации.

– Пресловутый информбанк Вселенной.

– Возможно. Но не совсем. Это чья-то воля пробивается к нам. И главный лейтмотив я уловил. «Нельзя. Вам нельзя в Космос. Вы не готовы».

– Первый случай произошел еще в шестьдесят втором, – сказал Филатов. – Один из первых русских космонавтов услышал «звездный шепот». Естественно, ничего он не рассказал, опасаясь за карьеру. Остались его дневники. После него «шепот» слышали еще десятки людей.

– А может, мы просто неправильно интерпретируем этот «шепот». Так или иначе, мы в космосе и обратного пути нам нет.

– А что считал Плещеев?

– «Некий чуждый нам Разум, являющийся продуктом инопланетной цивилизации, используя тонкие ментальные технологии, намеренно пытается изгнать человечество из освоенного им самим Космоса». Не Бог ведь какая идея.

– Отсюда следовали еще один вывод, что землян они знают давно и хорошо, изучают нас, оставаясь сами каким-то образом невидимыми...

– Вот именно! – поддакнул Сомов, допивая свой коктейль.

– У большинства инопланетян, достигших Космоса, были свои легенды о «шепоте Космоса», и некоторые из них весьма увлекательные...

– Как живет теперь Плещеев? – поинтересовался Филатов.

– Как? Разве ты ничего не знаешь? – искренне удивился Сомов. – Плещеев пропал в одной из последних экспедиций в районе Жемчужины Короны.

– Звезда Рубин?

– Да. По инфосети целый год об этом только и говорили.

– Я был очень далеко.

– Там нет инфосетей?

– Есть... Но такие новости там не задерживаются.

– Значит, ты будешь работать у профессора Кондратьева? – спросил Сомов.

– Пока да.

– Опять поиски следов исчезнувших цивилизаций?

– Цивилизации приоров...

– Ладно мы с тобой еще поговорим на эту тему. Она меня чертовски интересует. А сейчас пора и честь знать. Разбежались? – вставая из-за столика, спросил госпитальер.

– Погоди-ка! – Филатов, прежде чем распрощаться, вытащил из-за отворота рукава небольшой предмет цилиндрической формы и приставил его к запястью правой руки Сомова, при этом цилиндр как-то странно зашипел, а сам госпитальер почувствовал небольшой укол.

– Это еще что?.. – Сомов непонимающе посмотрел на Филатова.

– Теперь у тебя в запястье микрокапсула. Это передатчик. В случае чего я смогу легко тебя отыскать по пеленгу... Только и всего!

– Зачем?

– Мы опять вместе. И как в прошлые годы, я ощущаю за тебя ответственность, главный госпитальер, У меня ощущение, что вскоре на Ботсване будет жарко.

– Жарко?

– Гораздо жарче, чем сейчас...

Вернувшись в госпиталь, Сомов прежде всего наведился к Главному жрецу «Храма Ожидания», о котором так и не сообщил в местную полицию, понимая, что тот вряд ли является виновным во всех тех грехах, в которых его обвиняло правительство. Да и потом Никита Федорович просто не мог отдать в руки палачей полуживого человека. Подобная мысль даже не могла прийти ему в голову.

Главный жрец так и не выпустил камня из рук. Когда к нему в палату вошел Сомов, он приоткрыл глаза и, тяжело ворочая языком, проговорил:

– Я чувствую большую беду. Она уже близко... И этот туда же, подумал Сомов. Что-то много развелось вещунов на этой планете!

Динозавр за свой сравнительно длинный в рамках жизни секретного агента спецслужб век, полный драматических коллизий, никогда еще не оказывался в положении побежденного. Ему чертовски везло и тогда, когда он, недавний выпускник спецшколы ЦРУ, проник на спутник планеты Дракон Корейской Конфедерации Милов. Он десантировался на одноместном десантном гравиблоке и ушел на нем же – операция, которая казалась до того невозможной, а потом вошедшая во все учебники соответствующих учебных заведений. Там же он сумел просочиться на военную базу корейцев, где располагались тяжелые «истребители-прыгуны» – эдакий стратегический козырь в рукаве Корейской Конфедерации. Тогда Динозавр досрочно получил очередное воинское звание. А Семиконечной серебряной звездой его наградили за работу в Московии. Он провел почти целый год под самым носом врага и достал суперсекретную информа-

цию о заградительных волновиках пятого поколения – новом оружии русских. Оплачена информация была несколькими убийствами. Динозавр умудрился уйти от контрразведки. После было участие в многочисленных силовых акциях ЦРУ. Черeda отсталых, замусоренных, вшивых планет второй линии, являвшихся полем холодной космической войны между Москвией и Аризоной.

Динозавр оказывал помощь повстанцам или диктаторам. Проводил акции по ликвидации. Сметал режимы. Ставил своих марионеток. Ему осточертели дикари, с которыми приходилось общаться. Король Конголезского свободного Королевства лопал своих подданных за обе щеки. На Бегундии верили в богов сельвы и возводили при помощи закупленного в большом мире стройоборудования идолов высотой в два километра. На Галазии в регулярной гвардии правительства особым спросом пользовались ЭМ-автоматы с деревянными прикладами (Бог ты мой, до этого их не делали уже триста лет!). На этих прикладах гвардейцы вырезали фигурки тотемных животных, а компьютерные компасные системы вешали на грудь в виде амулета. Кроме того, в довольство гвардейцев входили растительные наркотики, так что к середине дня половина личного состава подразделений находилась просто в невменяемом состоянии, и хорошо, если они еще не палили куда ни попадя, завидев невидимых никому «злых духов». Однажды, дойдя до белого каления, он собственноручно расстрелял пятерых негодяев, но поло-

жение это не изменило. Динозавр мог еще понять, что нужно на этих мирах одержимой мессианскими устремлениями Московии. Московитяне, которых Динозавр искренне презирал, считали, что несут свет духовности и экономическое возрождение в миры второй линии. А что делать там Аризоне? Полезные ископаемые давно никому не нужны. Большими талантами там тоже не разживешься. Экономические интересы кое-какие имелись, но расходы сводили доходы к нулю. Как ни прикидывал Динозавр, получалось, что суть в присущем Объединенным Планетам Аризоны экспансионизме – идеологическая, экономическая, психологическая. Аризона не могла остановиться. Поддерживать свой уровень Великой Империи она могла, лишь подгребая под себя новые и новые миры. Это было единственным духовным фактором, который цементировал ее. Впрочем, отвлеченных рассуждений Динозавр не любил. Он любил действовать. Так, чтобы треск стоял.

Потом Динозавр занялся наукой. Точнее, научным шпионажем. Неспроста. Сыграла роль та первая акция в Московии. Но главное – научные способности. За плечами технологический институт Нью-Тауна, две диссертации – еще до спецшколы ЦРУ. Научные достижения воровали московитяне и аризонцы друг у друга с переменным успехом. Для Динозавра это продолжалось на протяжении почти целого галактического десятилетия. Потом его на какое-то время «законсервировали» на нейтральном Швице. И вот совсем

недавно он получил новую установку, новый приказ от командования: заняться выяснением возможностей уникальных технологий так называемой «цивилизации приоров», что он теперь и делал, как всегда целиком и полностью отдаваясь работе.

Пора в отставку, думал Динозавр. Надоели вечные передрыги, ожидание смерти. Хотя, разве он мог представить себе иную жизнь – без опасности, сухую, вялую? Нет, и не собирался, Но есть ведь и карьера вольного космического охотника за чужими тайнами. Для этого нужно иметь всего ничего – личный звездолет и небольшую команду из преданных людей, а чтобы все это заполучить, необходим приличный начальный капитал. Идти на поклон он ни к кому не собирался. Но премия, что назначена правительством Аризоны за сведения о технологиях приоров, составляла очень крупную сумму. Ее бы вполне хватило для исполнения задуманного.

Динозавр прилег на расстеленную на траве изо пленку, выплюнул пластинку стимулятора. Уже вторая за три дня. Так недолго и привыкнуть. Нет, надо стойко переносить физические и психологические нагрузки. Долой стимуляторы.

– Опять пошла картинка, сэр, – произнес сержант Бойл.

– Ну-ка, – Динозавр присел около экрана.

Картинка на экране в течение суток, которые они здесь прохладались, то пропадала, то возникала вновь. Динозавр во время визита в тронный зал шамана изловчился устано-

вить там зернышко фиксатора и иголку маячка.

В «костяном зале» происходила оргия – их часто устраивал Черный шаман. Только на этот раз оргия должна была иметь обрядовый характер.

Пятерых представительниц женского пола от девяти до тридцати лет включительно пригнали охотники за головами для участия в магическом обряде. Все они теперь испуганно жались в дальнем закутке пещеры. А Черный шаман пока не обращал на них внимания, готовясь к сложному магическому действию, которое и ему должно было стоить большого труда. Необходимо было прочесть особые колдовские мантры, потом встать с трона и...

Первой почувствовала неладное самая маленькая девятилетняя девочка. В испуге она истошно заголосила, когда над ее головой стало образовываться темное облако. Остальные девушки и женщины также запричитали, сбившись в еще более тесную кучу, напомилавшую стадо овец, до смерти напуганных волчьей стаей.

– Никогда не видел ничего подобного, сэр, – воскликнул сержант Бойл. – Химия? Какие-то вещества из жаровен по углам?

– Может быть, – отозвался Динозавр, но у него и самого мурашки поползли по коже.

А облако медленно окутывало всю толпу. По мере этого страху женщин отступал. Послышался первый смешок – смеялась самая старшая женщина. Потом засмеялась другая. И,

наконец, все они зашлись ненормальным смехом.

– Эти курицы совсем сдурели, – произнес капрал Винт. – Похоже, им хорошо.

– Помолчи, – отрезал Динозавр.

Потом началось нечто неопишное. Веселые мины все больше напоминали гримасы боли. Лицо одной женщины перекосило злоба. Потом другой. Мелькнули руки. Кто-то вцепился в чьи-то волосы. Послышался истошный визг. И вот полилась первая кровь. Теперь не было пятерых женщин. Была жуткая свара – сипящие, визжащие существа мечтали только об одном – вцепиться зубами в жертву.

– Как садосенсорнаведение, – прошептал Бойл. – Но для такого нужен стационарный излучатель. Такие есть только на аренах Нью-Тауна.

– Вот он, излучатель, – Динозавр ткнул на экране в Черного шамана.

Драка продолжалась. На полу оставались обездвиженные тела. Наконец, остались только две женщины, неистово вцепившиеся друг другу в горло. Но вот и они упали обессиленными. Одна стала биться головой об пол, вторая смотрела в потолок.

Настало время для основной части ритуала.

Черный шаман поднялся с трона. Подковылял к женщинам.

– Нож! – взвизгнул он.

Один из чернокожих немых гигантов подскочил к Шама-

ну. Он не слышал, что приказывает хозяин. Но ощущал его желания.

Черный шаман взял с большого золотого подноса длинный нож.

– Да будет так...

В чашу полилась кровь.

Большое жертвоприношение. Черный шаман позволял его только по серьезным случаям. А что может быть серьезнее, чем поиск и уничтожение основного и любимо-ненавидимого врага – главного жреца «Храма Ожидания», которого бездарно потеряли слуги и которого под воздействием премерзких сил упустил из виду Черный шаман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.